

Семья (ме)
ма **ОДИН ГОД**

МАРЬЯ КОВАЛЕНКО

Шикарные мужчины

Марья Коваленко

Семья (не) на один год

«Марья Коваленко»

2022

Коваленко М.

Семья (не) на один год / М. Коваленко — «Марья Коваленко»,
2022 — (Шикарные мужчины)

– Теперь ты свободна. Наша сделка закончилась. – Он говорит тихо, а у меня в ушах словно барабаны гремят. – Спасибо, что помог мне, – слова благодарности приходится вырывать из груди. Вместо них хочется кричать о любви и умолять забыть о сделке. – Будь счастлива теперь. – Он смотрит, не сводя глаз. Внимательно, будто опасается услышать ненужные нам сейчас фразы. Самый красивый, самый любимый на свете. Мой единственный. И уже чужой. – Обязательно. Буду.

© Коваленко М., 2022

© Марья Коваленко, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марья Коваленко

Семья (не) на один год

Пролог

Никита

Настоящее время

Расстояние между Питером и Москвой – семьсот километров по трассе. Не мало, но и не много.

Когда-то эти семьсот километров были для меня пустяком. Срывался в Питер по первому зову. Голодный, уставший, невыспавшийся – не имело значения. Всегда на машине, потому что не было времени на поиск авиабилетов и пустое ожидание в аэропорту.

По пути в машине делал все дела. Раздавал указания и выслушивал отчеты. Вел переговоры и переносил встречи, на которых нужен был лично.

Избавлял себя от дел, потому что там, в конце пути, ждала она... моя жена. Законная настолько, что не существовало ни одного правила в мире, способного поставить под сомнение наш брак.

Несколько лет прошло с тех пор, как все закончилось. А казалось – вечность.

– Никита, ты меня совсем не слушаешь.

Кристина буквально повисла на моей руке, возвращая из далеких мыслей в праздничную реальность.

– Фурнье! – напомнила она. – Он здесь, и он очень хотел с тобой познакомиться.

– Ты решила подарить мне клиента на день рождения?

Подходить к красивой паре, которая только что вошла в зал, не было никакого желания. Работы в юридическом бюро хватало и без меценатов из Франции. За последние три года пришлось открыть несколько филиалов и набрать около сотни работников.

А просто знакомиться... Француз интересовал меня не больше мухи на противоположной стене. Его спутницу я знал и так. Возможно, лучше всех, кто вообще мог ее знать. И точно – дольше всех.

– Но он такая знаменитость! И его фонду так нужны грамотные консультанты... – Губы Кристины дрогнули. Не слишком натурально. Не ГИТИС и не ВГИК, а скорее местечковый кружок самодеятельности.

Экспертом я не был, но еще помнил, как от волнения или страха дрожали другие губы. И как при этом темнели глаза.

Ненужное сейчас воспоминание. Непрошеное.

– Хорошо. Ты решила подарить мне звездного клиента? – пришлось уточнить. – Оригинальный подарок. Спасибо. Но можно я откажусь?

– Я тебя расстроила?

Глаза Кристины заблестели от влаги. В ход пошло самое бронебойное женское оружие под названием «Почувствуй себя последним гадом».

На меня оно действовало редко – сейчас не подействовало совсем.

– Для начала тебе стоило узнать, хочу ли я этого праздника. А потом уже звать гостей и устраивать в моем доме банкет.

– Но ты столько работаешь... Тебе всегда некогда.

– И ты всерьез считаешь, что толпа малознакомых людей может сделать меня счастливее?

– Я...

Кристина обернулась в сторону того самого мецената. Словно хотела что-то узнать.

– Не важно, – бросил я, развернувшись к лестнице на второй этаж.

Если Кристина хотела провести какой-то эксперимент, то ей не повезло. У подопытного не было сегодня ни настроения, ни терпения. Сдулся за неделю адского труда и долгую дорогу к своей подушке.

– Когда закончите, пришли мне сообщение, – попросил перед уходом и двинулся наверх.

Еще несколько минут назад я мечтал лишь о своей кровати и беспробудном сне. Последний перелет с джетлагом в двенадцать часов напрочь выбил из колеи. Не хотелось никакого дня рождения. А еще больше не хотелось видеть в своем доме гостей.

Сейчас от сна не осталось и воспоминания. Своим «подарком» Кристина сумела взбудорить качественно. Но что касалось гостей – желание не изменилось.

Никто из них не был мне нужен. От лиц с натянутыми улыбками рябило в глазах. И лишь одна-единственная гостья заставляла держать язык за зубами и не требовать: «Разойтись подобру-поздорову!»

Я не хотел искать глазами эту гостью. Не хотел, будто случайно, встречаться взглядами. Думать о ней тоже не хотел.

В первый год после развода «не думать» удавалось с трудом. Во второй – легче. А сейчас я вроде бы в совершенстве овладел навыком задвигать подальше ненужные картинки со слишком заманчивыми образами. Стал гуру склероза.

Это обязано было помочь. В стенах собственного дома, с усталостью, как с тяжелым грузом за спиной, побороть искушение должно было быть проще.

Но стоило мне подойти к двери своей спальни, опустить ручку... садистка-память тут же нарисовала за дверью сегодняшнюю неожиданную гостью. Красивую до звезд перед глазами. Перепуганную до колючей боли за грудиной. В белоснежном свадебном платье. И только мою.

Глава 1

Пять лет назад

Лера

Дворец бракосочетания остался позади, а меня все еще потряхивало. В голове не укладывалось, что Никита теперь стал мне мужем. Пусть фиктивным, всего лишь на один год, но моим.

Сердце сбивалось на аритмию каждый раз, когда я вспоминала нашу клятву и наш поцелуй. Десятки вопросов не давали покоя, подтачивая остатки сил.

Разве можно так целовать ради картинки?

Разве можно так смотреть, что земля уходит из-под ног?

Разве можно прикасаться настолько нежно, что тело начинает ныть от жгучего желания?

Это все действительно происходило со мной или я придумала?..

Ответов, конечно же, не было. Никита молчал, став еще более хмурым и холодным, чем был до свадьбы. Фотографам приходилось каждый раз напоминать ему, что нужно улыбаться. А охране – отгонять от нас других папарацци и прочих любопытствующих личностей.

Ума не приложу, как после свадебной церемонии я смогла пережить фотосессию и дойти до машины. Каждую секунду казалось, что вот-вот что-то случится: или Никита скажет, что все было зря, или уедет, бросив меня, или снова поцелует до звезд перед глазами.

Уставшая, задержанная, я сама не знала, чего из этого боюсь больше. Но, к счастью, в ресторане организатор свадеб, Изольда Генриховна, взяла все хлопоты на себя.

Нам с Никитой никто не докучал поздравлениями или тостами. Никто не орал «Горько!» и не настаивал на цирковых номерах в исполнении молодых.

Все, что от меня потребовалось – пережить один медленный танец. Не оттоптать ноги своему мужу. И не застонать от теплоты его ладоней на спине. А потом разрезать свадебный торт.

Последнее задание стало настоящим испытанием. Огромный нож в моих подрагивающих руках смотрелся скорее орудием убийств, чем кухонным инструментом. Никакие практические навыки по анатомии или судебной медицине не помогли бы мне сделать два простых надреза. Но Никита справился за нас двоих.

Своей большой, сильной рукой он обхватил мою ладонь. Шепнул на ухо: «Расслабься». И аккуратно, ювелирно разрезал мягкий бисквит.

Я почти не принимала в этом никакого участия. Лишь смотрела, как идеально моя рука лежит в руке мужа, какие красивые у него пальцы и как хорошо смотрится кольцо. Полностью скрывает белесый след от другого кольца.

После торта о нас все словно забыли. Известный певец убаюкивал своими романтическими песнями. Зимние сумерки, подсвеченные небольшими декоративными фонарями, прятали лица. И даже акционеры всё реже бросали взгляды в нашу с Никитой сторону.

Наверное, еще немного, и гости лицезрели бы уснувшую за столом невесту. Нервное истощение демонстрировало себя во всей красе: я уже никак не могла унять зевоту и с трудом фокусировалась на ведущем. Но Никита снова вмешался.

Мой муж взглядом сообщил Изольде Генриховне все, что думает о продолжении банкета, и попросил охрану подогнать машину.

Если бы не знала, что должно начаться позже, я бы обрадовалась и первой побежала на выход. Уж на один финальный рывок меня бы хватило.

Но впереди ждала первая брачная ночь... Правильная! Не дома, подальше от чужих глаз, а в лучшем отеле города. В номере для новобрачных. С красивым бассейном, со своим собственным зимним садом и всего одной кроватью.

* * *

В прошлом у нас с Никитой уже была одна ночь на двоих. Мне было восемнадцать, и он по-соседски спасал меня от холода. Та ночь подарила мне долгий разговор у камина, такой уютный и простой, словно мы с Никитой знали друг друга много лет и между нами не было никакой разницы в возрасте.

Еще та ночь подарила поцелуй.

Мой первый поцелуй!

До сегодняшнего дня он был единственным. За четыре года после него мне так и не захотелось ни с кем повторить или сравнить ощущения.

И вот теперь нам предстояло пережить вместе еще одну ночь. Нашу. В новом статусе. В номере, из которого даже сбежать было нельзя.

От мысли, что Никита будет лежать со мной на кровати, на ногах поджимались пальцы. Я, словно воровка, украдкой косилась на своего красавца-мужа в машине. Любовалась точным профилем: волевым подбородком, идеально выбритым в честь свадьбы, прямым носом с небольшой горбинкой, высокими скулами... губами.

Я отчаянно старалась дышать ровно. И все равно до самого отеля не верила, что мы действительно окажемся рядом на одном матрасе.

– Наши вещи должны быть уже в номере, – Никита заговорил, только когда машина остановилась.

– Мы с Наташей планировали сами всё отвезти заранее, но Изольда Генриховна сказала, что агентство берет это на себя.

Не знаю, зачем я оправдывалась. Свидетель, Павел, заранее сообщил, что организаторы займутся даже мелочами. Никита отлично знал об этом.

– Тогда пойдем отсыпаться?

На лице мужа появилось что-то вроде улыбки. Наверное, он хотел поддержать меня. Но напряженный взгляд выдавал его с головой.

– Сон – это замечательно.

Чтобы тоже не выдать себя, я не стала смотреть на Никиту. Вместо лишних взглядов нажала на ручку двери. Но вырваться на свободу так и не успела. Будто прямо сейчас вспомнил о своих обязанностях, водитель сам распахнул дверь. Подал мне руку. И, мазнув липким взглядом по декольте, торжественно произнес:

– Бурной ночи молодым! Долгой совместной жизни!

Прозвучало это как гром среди ясного неба. Непрошибаемый Никита даже дернул шеей «на радостях». А я... мне вдруг резко захотелось попросить у администратора еще один номер и тихонечко перенести туда свои вещи.

* * *

Никита

Свадебный опыт у меня, конечно, имелся, но такого не было.

После неожиданного открытия во Дворце бракосочетания, я словно пыльным мешком по голове получил. Контузия не проходила ни во время фотосессии, ни в ресторане. С собственной невестой, которая еще недавно была партнером по сделке, не знал, что делать.

Не значилось в моем плане такого форс-мажора, как любовь. В нем вообще все было просто: отыграть молодоженов, заменить Леру в банке и за год аккуратно убрать всех акционеров, которые пытались ее устранить.

Единственное, что изначально не нравилось, – я украду у Леры год молодости. Целых двенадцать месяцев на отношения, открытия и любовь.

Если бы только знал заранее, что с любовью может случиться такой сюрприз! Если бы только мог подумать, что эта потрясающая, умная девушка окажется уже влюбленной. И не в какого-нибудь смазливового парня из вуза или на крайний случай в молодого преподавателя, а в такого слепого идиота, как я.

К сожалению, возможности отмотать время назад не было. При всем желании я не смог бы уже отменить наш брак или доверить Леру тому, кто точно не сделает ей больно.

Оставалось как-то не напортачить самому. Как именно – я не знал. От одного только прикосновения к ней, нежной, красивой, взволнованной, горели ладони и сердце за грудиной устраивало скачки.

Словно находился в пыточной, а не в ресторане, я с трудом досидел до финала. Пережил и танец молодых, и торт. Но, когда за окном стемнело, в голове осталась лишь одна стойкая мысль: «В отель! Спать!»

Банально хотелось отключиться, чтобы завтра на свежую голову решить, как вести себя дальше и без травмы для Леры пережить этот год.

Идея была хороша! Уж во сне я точно не должен был накосячить. Но стоило машине остановиться возле отеля, знакомый пыльный мешок снова завис над головой.

Вначале внезапно вспомнились рекламные буклеты Изольды Генриховны. С красивым номером для новобрачных, бассейном и вроде бы только одной кроватью. Потом нас с Лерой поспешил поздравить водитель.

Уже после его «Бурной ночи молодым!» нужно было забыть о своем плане и начать морально готовиться к продолжению пыток. Настоящей первой брачной ночи от меня, конечно же, никто не ожидал. Но один на один в замкнутом пространстве могло случиться что угодно.

* * *

Как и предполагал, «что угодно» не заставило себя ждать. Испытания стали сыпаться мне на голову, как только пересек порог номера для новобрачных.

Кровать и правда была одна. Усыпанная лепестками роз, она стояла на небольшом возвышении, словно плаха. Других комнат или хотя бы узкого диванчика ни с первого взгляда, ни после детального осмотра всего номера найти не удалось.

Следующее наказание устроила невеста. После приезда она сразу же ушла в ванную комнату переодеваться, и я ее потерял.

В ожидании, когда Лера вернется, я провел пять минут. Подозревая, что моя молодая жена банально уснула, подождал еще десять. А к моменту, когда минутная стрелка намотала по циферблату больше двадцати кругов, терпение закончилось.

– Лера, у тебя всё хорошо? – Чувствуя себя последним идиотом, я постучал в дверь ванной.

Вместо ответа донесся какой-то звук, похожий то ли на всхлип, то ли на всхрап.

Первое пугало до чертиков. Второе тоже не радовало. Спать на коврик сегодня собирался я. Лере ютиться по углам или устраиваться на ночевку в ванне точно не стоило.

– Можно я войду? – Спрашивать что-либо у спящей, конечно, было верхом гениальности, но ворваться молча я не мог.

Что прозвучало в ответ, снова разобрать не удалось. Однако картина перед глазами сразу всё прояснила.

Нет, Лера не спала. Слава Богу, и не плакала. Сквозь отражение в зеркале на меня посмотрели невероятно красивые и очень грустные глаза. И руки Леры, которыми она до этого пыталась что-то сделать за спиной, опустились вниз.

– Платье... – вырвалось у нее со всхлипом. – Я не могу сама...

Она взглядом указала себе за спину и закусила губу.

Словно инфарктник со стажем, внезапно узнавший, что в этот раз обошлось, я на пару секунд привалился спиной к стене и перевел дыхание.

– Почему сразу не позвала?

– Думала, что справлюсь.

Щеки Леры налились румянцем.

– Ясно... – Что именно мне ясно, уточнять не стал. Вместо этого оторвал себя от стены и подошел к своей молодой жене. – Значит, шнуровка... – Окинул взглядом фронт работ.

– Там какие-то хитрые петли. Утром Наташа помогала одеваться. А сейчас... у меня пальцы уже не гнутся. – Больше не глядя на меня, Лера опустила голову.

– Давай я попробую?

– Можно... – Словно я попросил о чем-то слишком интимном, Лера напряженно ссутулилась и руками обхватила грудь. – Но у меня нет под платьем никакого подъюбника или... чего-нибудь еще. Только белье.

Лера, конечно же, не пыталась меня соблазнить. У нее явно не было и мысли о любовных играх. Однако инфаркт, которого я чудом избежал, снова забрезжил на горизонте.

Хватило всего упоминания... намека, что под тканью лишь кожа, молочная, нежная, бархатная, и меня скрутило в бараний рог, как пацана, который никогда не касался женщины.

– Обещаю, я не буду смотреть. – Пальцы вдруг одеревенели, а голос предательски сел.

То, что происходило дальше, можно было назвать лишь одним словом – пытка. Я крючок за крючком освобождал Леру от платья. Она едва заметно подрагивала. И от каждого ее вздоха или движения совсем не железная часть меня все сильнее требовала к себе внимания.

Пожалуй, к такому не могли подготовить ни один судебный процесс или самые жесткие переговоры. Даже легкая пробежка под пулями в далекой молодости не могла сравниться с тем напряжением, которое свалилось на мою голову.

Словно прямо сейчас отдам концы, я кое-как справился с верхней частью шнуровки. Стараясь контролировать дыхание, преодолел среднюю. А внизу... когда между двумя полосками ткани мелькнуло тонкое кружево белья, проклял всех, от создателей таких платьев до акционеров, из-за которых понадобилось играть эту свадьбу.

Наверное, если бы пришлось делать что-то еще, например снимать с Леры чулки или туфли, потом сразу можно было бы вызывать скорую с самым мощным дефибриллятором. Я бы откинул коньки, не приходя в сознание.

Но как только мои пальцы дошли до конца шнуровки, Лера сама освободила меня от супружеских обязанностей.

– Спасибо большое, – прохрипела она, словно подхватила ту же ангину, что и я. – Я справлюсь дальше.

По-хорошему, стоило хоть для приличия ответить, что это было несложно. Но ума сдерживать язык за зубами у меня хватило.

Будто древний старик, на негнущихся ногах я вышел из ванной комнаты. За дверью перевел дыхание. И, плеснув из ближайшей вазы на ладонь воду, умыл лицо.

О том, что на паркете останутся капли воды и вообще умыться можно было над умывальником, уже не думалось. Будь моя воля, я бы душ себе из всех ваз устроил. Однако стоило Лере выйти из ванной, цветочного душа резко оказалось мало.

Красная еще больше, чем во время нашей маленькой пытки со шнуровкой, она отчаянно пыталась запахнуть поплотнее полупрозрачный кружевной пеньюар. И казалось, вот-вот рванет обратно в свое укрытие.

– Нам с Наташей все же стоило самим привезти одежду. Не нужно было надеяться на агентство и их подарки. – Смирившись с тем, что никакой поясок не спасет, Лера обхватила грудь руками и удивленно икнула.

– Это их презент? – Кадык на моем горле дернулся. А от вида длинных ног, узкой талии и уже знакомого кружевного белья, задрапированного предательски прозрачной тканью, земля снова медленно поплыла под ногами.

– Я искала халат, но его нет. Ик. А полотенце... Ик. Оно совсем мокрое.

* * *

У поляков есть выражение «Добрый день», есть «Добрый вечер», но нет «Доброго утра». Совсем! Сегодня я понимал поляков, как никогда. Утро не могло быть добрым! Особенно утро после первой брачной ночи.

Благодаря пушистому мягкому коврику мне не пришлось спать на голом полу. Но бока и плечи все равно ныли. А спина не желала гнуться, отзываясь дикой болью на любую попытку повернуться.

С отражением в зеркале тоже была беда. Там показывали какого-то незнакомца. Круги под глазами своей чернотой могли соревноваться со щетиной. А красные глаза превращали того мужика в типичного вампира.

Он хоть сейчас мог пробоваться на роль кровососа в каком-нибудь блокбастере. Гримерам даже не пришлось бы тратить время на создание образа.

После первой брачной ночи с прежней женой я выглядел несколько иначе. Не хотелось вспоминать то время, – несмотря на все доводы рассудка, я все еще чувствовал себя предателем, – но разница впечатляла.

В прошлый раз я смог выбраться из кровати только в обед. Тогда тело ощущало лишь приятную усталость, а живот от голода прилипал к спине и громко урчал.

Сейчас я с трудом сдерживал стоны боли. Не хотел спать, хоть ночью так и не уснул. А при мысли о еде к горлу подкатывала легкая тошнота.

Нет, вчерашний банкет был ни при чем. В ресторане я почти не ел. Столы ломились от деликатесов, однако мне и кусок в горло не лез. Но отель и наш с Лерой статус новобрачных смогли ударить даже по желудку.

* * *

Я искренне надеялся, что пытки свадебным платьем и пеньюаром – это все, что мне нужно было пережить за вечер. Однако жизнь не дала расслабиться.

Только я укутал Леру в найденный после внимательного обыска халат, как начался третий акт трагедии.

В дверь номера постучали именно в тот момент, когда мы начали укладываться спать. Лера тут же напряглась, словно к нам со свечками могут ворваться акционеры. Я, уже привычно проклиная всё и вся, расстегнул для вида пуговицы рубашки.

– Кто? – рявкнул на дверь.

Из коридора послышался какой-то шум, а потом звонкий мужской голос произнес:

– Обслуживание номера. Презент для молодых от отеля.

В принципе, можно было догадаться. Учитывая цену за ночь, они просто не могли обойтись одними лишь разодранными в клочья розами и спрятанными халатами.

Больше всего мне хотелось отправить официанта подальше и попросить вычеркнуть наш люкс из списка тех, которые нужно обслуживать. Но создавать лишние поводы для подозрений не стоило.

– Секунду!

Осмотрев номер на предмет схожести с номером настоящих молодых, я с тяжелым вздохом подошел к кровати. Под удивленным взглядом Леры стянул покрывало, раскидал подушки и примял простыню. Только после этого официанту было позволено вкатить тележку.

Как результат, через несколько минут на нашем столике появилось ведро со льдом, креманка со взбитыми сливками и огромное блюдо отборной клубники. На целый гарем!

Смотрелось все это замечательно. Настоящие молодые, наверное, обрадовались бы такой порции афродизиаков. И тут же принялись бы повышать свою потенцию. Но я лишь с тоской вспомнил несъеденное горячее в ресторане и поскорее закрыл за официантом дверь.

От всей души хотелось, чтобы испытания на этот вечер закончились. Лера уже зевала, а удачно сброшенная на коврик подушка так и звала уснуть.

Но через пятнадцать минут стук в дверь повторился. Очередной официант демонстративно погромел тележкой и сообщил о втором презенте от отеля.

На этот раз превращать кровать в развороченное любовное гнездышко я не стал. Сам вышел в коридор. Забрал со столика два блюда и ногой закрыл дверь.

– Что на этот раз? – Лера смотрела на сияющие металлическими боками крышки с тревогой, словно там могли находиться бомбы.

Мне эти подарки даже открывать не хотелось. Учитывая легенду, по которой мы здесь находились, на стейки и шашлыки надеяться не стоило.

– Моя ставка на устрицы, – невесело сообщил я и отошел от столика, будто даже стоять рядом с ним было опасно.

Леру долго ждать не пришлось. Белым махровым облачком она вспорхнула с кресла. Заглянула под крышки. И, тяжело сглотнув, кивнула.

«В следующий раз они принесут виагру», – чуть не произнес я вслух и уронил лицо в ладони.

Это был всего лишь первый день моей семейной жизни. Первый ее час!

Штука, которая называлась «План», давно потеряла общие черты с реальностью. А ведь впереди, через пару дней, ждал медовый месяц.

На островах, подальше от акционеров. Всего на три дня – исключительно для вида. Но вдвоем.

Луна за окном не могла порадовать идеальным круглым диском, но выть хотелось по-волчьи. Как в полнолуние.

Наверное, прямо сегодня нужно было искать какой-нибудь бром и начинать его принимать. За три дня я вполне мог подготовиться к безопасному медовому месяцу... Но что-то подсказывало: с Лерой никакое лекарство не могло мне помочь.

Глава 2

Лера

Я понимала, что ничего не понимаю. Это ощущение не покидало весь день после свадьбы и всю ночь.

Наверное, если бы нам с Никитой пришлось провести в отеле еще день-другой, моя крыша с веселым свистом уехала бы куда подальше.

К счастью, попытка близостью закончилась утром. После завтрака начальник службы безопасности, Сан Саныч, лично приехал в отель и увез нас с Никитой в загородный поселок. По приезде Никита тут же отправился в свой дом. А я прямо в гостиной устало рухнула на диван.

Все, чего хотелось – лежать и не двигаться. В идеале – еще и не думать. Не шевелить извилинами и ничего не анализировать. Но познать дзен мне так и не удалось.

Через пять минут после приезда в дом вошел Сан Саныч. Молча посмотрел на меня своими глазами-рентгенами и, вздохнув, ушел. А потом с воплем «Как прошла ночь?!» влетела Наташа.

Наверное, это было какое-то наказание свыше! За то, что этой ночью подсматривала за спящим Никитой, или за то, что фантазировала о запрещенном.

– Лера, я не уйду! Даже не смотри на меня так!

Подруга, видимо, на лбу у меня прочла все, что я думаю о ее визите.

– И молчать я тоже не буду! Забудь эту идею!

Наташа швырнула свою сумочку в дальнее кресло и с телефоном устроилась на ковре возле моего дивана.

– Ты с Лаевским сегодня во всех известных блогах и журналах. А заголовки какие! Закачаешься! – Она разблокировала телефон и начала читать вслух: – «Молодожены месяца. Влюбленные и красивые». «Наследница банковской империи и самый известный адвокат Москвы», «Поцелуй, который войдет в историю Питера»... – Наташа, как веером, помахала себе телефоном. – Мне только от одних названий жарко. А как вспомню вас...

– Тогда остывай. А я пока можно немного посплю?

Я взяла первую попавшуюся под руку декоративную подушку и как щитом укрыла ею голову.

– Ночь была настолько бурной? – Бульдозер по имени «Наташа», словно регбист мяч, отобрала мою подушку и прижала к своей груди.

– Так брачная! Ты же сама говорила, что спать не положено. Вот!

– Я много чего говорила. Обязанности лучшей подруги, они такие... – Наташа выпрямилась и, повернув мою голову, заставила посмотреть себе в глаза.

Наверное, так же смотрят прокуроры на допросе. Сурово, недоверчиво и долго. Будто буравят взглядом черепную коробку и докапываются до мозга.

От напряжения даже затылок зачесался. Но руку поднести, чтобы почесать, я не успела.

– Лерка, скажи честно, ты у нас все еще девушка? – Наташа удивленно, совсем как прошлый Демон, наклонила голову набок и плотно сжала губы.

Точно прокурор. А еще детектор лжи. Ходячий!

– Я...

Врать не хотелось совсем. Перед свадьбой наглости еще хватало, помнила предупреждения Никиты. А сейчас... после тяжелой ночи язык не поворачивался. Ясно было заранее: все равно не поверит.

– Только не пытайся мне соврать. – Наташа поднялась с пола и села рядом со мной на диван. – Я тебя без гинекологического кресла насквозь вижу.

– Наташ...

Я облизнула губы. Нужно было как-то начать. Или врать, или уже сознаваться. Возможно, во всем.

– М-да... – Уставившись в пол, подруга подперла голову руками.

Сейчас с нее можно было лепить женскую версию роденовского «Мыслителя». Даже выражение лица оказалось похожим.

– Я думала, что у меня с Пановым все сложно... – куда-то в космос протянула она. – Но, похоже, у тебя ситуация еще хлеще.

Я еще не понимала до конца, к каким Наташа пришла выводам, но с плеч словно булыжник упал.

– Папа говорил, что твои акционеры вместе с этим Буркиным... Бурёнкиным... или как там его, удавятся от «радости», когда узнают о браке с Никитой. Но я не думала, что именно ради этого ты идешь в ЗАГС.

Вместо ответа я пожала плечами.

– А как же твоя к нему «большая и светлая»? – Наташа подняла голову и не моргая посмотрела мне в глаза.

Даже не понять было, чего в этом взгляде больше: сочувствия или боли.

– А что с ней станется?..

Я не плакала на свадьбе. Не пустила ни одной слезы после нее в отеле. А сейчас глаза сами наполнились соленой влагой и переносицу обожгло болью.

– Не первый год, – растерянно развела руками. – Может, это уже диагноз. Может, я привыкла.

Еще несколько минут назад, до прихода Наташи, хотелось уснуть, чтобы ничего не вспоминать и не чувствовать, а сейчас изнутри рвалась целая волна. Будто плотина разрушилась. Дамбу взорвали.

– О боже, Лера!

Наташу просить не пришлось. Она сама обхватила меня руками, прижала к своей груди и, как маленькую, начала гладить по спине.

– Вот ты «счастливая». Бедная моя. Хорошая...

– Он тоже не хотел, – захлебываясь слезами, начала оправдываться я. – Пришлось решиться после больницы... Ни у меня, ни у Никиты не было другого выхода.

– Солнце ты мое. Это ж надо было так вляпаться.

– Так нужно. На год. Не до-о-ольше...

Слезы текли уже двумя ручьями. Я не пыталась сопротивляться самой себе. Не изображала сильную и гордую. Вместо борьбы вспоминала каждое прикосновение Никиты. В загсе, в ресторане, в отеле. Его почти черные глаза в зеркале, когда помогал мне расстегивать свадебное платье. Глубокие, как у мученика с иконы, морщины между бровей, когда нам привозили деликатесы. Изможденный вид утром.

И выла. Навзрыд. Как не выла даже по приемным родителям.

– И ему, конечно, все это тоже тяжело, – почему-то произнесла Наташа.

– Он все еще жену любит. Я уверена, – вырвалось у меня с новой порцией сырости.

– Да... Несчастный. – Наташины руки на моей спине вдруг остановились. – Только во время «первого поцелуя» чуть девственности тебя прямо на виду у гостей не лишил.

Вместо сочувствия в ее голосе зазвучала ирония. А вместо печали в глазах зажглись знакомые мне опасные огоньки.

От неожиданности я даже плакать перестала. Слезы будто сами резко высохли.

– Что ты имеешь в виду? – спросила осипшим голосом.

– Знаешь, Лера, лучше бы ты все эти годы не орла своего ждала, а ходила на свидания и набиралась опыта. Тогда сама бы поняла всё.

– Наташа, ты можешь прямо сказать? На что ты намекаешь?

Плакать мне уже не хотелось, но вот ладони начали дрожать. Тело будто первым догадалось, о чем речь и какой будет вывод.

– Лер, да твоего Лаевского прямо в загсе чуть Кондратий от желания не хватил. У него уши дымились! – Подруга потрянула головой. – Если у кого и были сомнения, что у вас все по-настоящему, после этого секса рот в рот и мысли не осталось! Я вообще была уверена, что ты ходить сегодня не сможешь. Как последняя дура, спешила. Мази тебе везла обезболивающие. Все, что было в аптеке возле дома, скупил.

Она взглядом указала на сумочку. И снова притянула меня к себе. Сжала осторожно, как фарфоровую куклу.

– Ты бы видела вас со стороны, – произнесла Наташа с нервным смешком.

– Мы были похожи на настоящих?

Мои сомнения усилились во много раз. Все прикосновения и реакции Никиты стали выглядеть иначе. Поверить, что его тянуло ко мне, пока еще было сложно. Но глубоко в душе, там, где с утра все клокотало от непонимания, сейчас стало тихо.

– Лер... – Наташа с едва заметной улыбкой посмотрела на меня. – Такие взгляды даже в фильмах для взрослых не каждый актер сыграет.

– Ты шутишь! – пришел мой черед улыбаться.

– Если он врал, то он гениальнее Макконахи и Ди Каприо вместе взятых! – Наташа закатила глаза. – Да простит меня великий и шикарный Кевин Костнер! Но даже он нервно пыхтит в сторонке в сравнении с твоим мужем.

* * *

Никита

Все три дня после свадьбы я был завален даже не по горло, а по брови.

Окончательно поняв, как сильно недооценили нас с Лерой, акционеры начали лезть вон из кожи, придумывая разные схемы.

За день я получал на электронный адрес жены по пять сообщений задним числом. Это были и уведомления о проведении собраний, и приказы Биркина, которые канцелярия якобы забыла выслать раньше, и досудебные претензии с очень странными суммами.

Чтобы отбиться от этого бардака и не дать акционерам протолкнуть втихаря какое-нибудь решение, мы с Пашей вкалывали вдвоем и еще периодически скидывали документы своим помощникам в московский офис.

В таком диком графике не удавалось нормально поесть или поспать. Я, как робот, отключался, стоило положить голову на подушку. И включался уже с четким планом на день, расписанным поминутно.

Нельзя было сказать, что такой аврал случился у меня впервые. За десять лет насыщенной адвокатской практики было всякое. Но когда наступила пятница и моя секретарша привезла чемодан вещей для свадебного путешествия, я вымотался до такой степени, что даже не стал проверять содержимое.

– Ты смотри, ваши три дня легко можно продлить и на неделю, и на две, – вставил своих пять копеек Паша, когда за секретаршей закрылась дверь.

– Конечно, твоими молитвами. – Я снова уткнулся в документы. До перелета нужно было успеть решить еще слишком много дел.

– В молитвах я не спец. Но с агентством поговорил. Они придержат номер за вами.

– Твое бы ораторское искусство да на благое дело! – Я передвинул Паше стопку последних аудиторских заключений. – Узнать, например, у этих умников, как они пропустили дыры в отчетах по инвентаризации.

– Можно было просто сказать спасибо. – Паша оскалился на все тридцать два зуба.

– Рыбкам на островах обязательно скажу. А тебе заниматься нашим путешествием было необязательно.

– Ну и характер у тебя, Никита! С каждым месяцем всё хуже и хуже. И спастись, главное, не хочешь.

Покачивая головой, друг забрал заключения. Взвесил стопку в руках и с тихим вздохом принялся за работу. Больше без комментариев, без ценных указаний и непрошеной заботы.

От Пашиных намеков я немного устал еще перед свадьбой. Сейчас и реагировать на них не хотелось. Домик на островах был большим. При желании там получилось бы разместить половину компании. С интернетом проблем тоже быть не должно было. А с Лерой...

После брачной ночи я ощущал себя полным болваном. С ней нужно было поговорить еще тогда. Как-то смириться с собственной реакцией на девчонку. Отмокнуть под ледяным душем и расставить все точки над «i».

Контракт – значит контракт.

Без отношений – значит без отношений.

В некоторых вещах можно позволить себе деликатность. В других – любая осторожность способна привести к тяжелым последствиям.

Благодаря Алине теперь я очень хорошо знал, что такое настоящие чувства и как от них может быть больно. Кроме желания, мне нечего было предложить двадцатидвухлетней девушке. Я не помнил, как водить таких на свидания. Не представлял, о чем с ними говорить, что их может интересовать и чем их баловать.

Наши с Лерой жизненные биоритмы отставали не на год или два, а, казалось, на вечность. Я уже успел всё испробовать, заработать чувство вины размером с два участка земли на кладбище и от всего устать. Усохнуть, как говорил Паша. А Лера пока ничего не видела и не чувствовала толком.

К тому же существовало еще одно но. Оно не бросалось в глаза сразу, не лежало на поверхности. Но было главным.

Молодая, восторженная Лера не знала на самом деле ни меня, ни настоящей заботы и любви. Мы просто несколько раз фатально совпали. Дурацкий набор для рисования, одна короткая ночь перед камином...

В сравнении с ее приемными родителями я, вероятно, смотрелся героем. Рыцарем в сияющих доспехах. Тем, в кого легко влюбиться.

Возможно, у Леры даже не было выбора. Ее невеселое детство и юность под колпаком Муратовых и Сан Саныча, которые контролировали каждый шаг и каждый вздох, создали идеальную почву для слепой влюбленности.

На расстоянии, наверное, так можно было любить годами. Придуманные чувства сложно остудить. Идеальный мужчина не портит жизнь. Он не приходит домой уставшим в хлам, не способным ни слушать, ни разговаривать. Он не психует и не злится, когда у него проблемы. И никогда не срывается... на пустом, казалось бы, месте. Просто потому, что его собственные черты развели на душе слишком большой огонь.

Но вблизи фальшивые герои не живут долго. Со временем Лера сама устала бы от меня и от борьбы с моим графиком. Она захотела бы прожить свою молодость ярко, а не в четырех стенах с редкими выходами в свет. Рано или поздно ее влюбленность переросла бы в вину, обиду или что-то еще.

Единственное хорошее, что я мог для нее сделать – отпустить пораньше. Не цеплять своим желанием и не давать надежд.

В Москве ждала работа... море работы, в котором не было ни места, ни времени, ни сил на новые отношения. А в Питере Леру ждала учеба и много нового. Без якорей в виде покрытой плесенью «первой любви». И без обязательств.

Осталось только не наломать дров за трехдневное путешествие и не повторить эпических ошибок первой брачной ночи.

Сейчас, после аврала на работе, это казалось просто. Рядом никто не соблазнял молодым красивым телом, и свое тело желало только кофе и сна. Я был привычным самому себе сухарем, занудой и свято верил, что теперь, после первого блина, который всегда комом, справлюсь.

Смотрел на путешествие как на очередной рабочий проект. И ничего не чувствовал...

Глава 3

Никита

Свадебное путешествие началось как обычная командировка. Час в зале ожидания, долгий перелет и потом такси с чемоданами.

Что это не совсем рабочая поездка, стало ясно, только когда катер доставил нас на остров и небольшой электрокар по дощатой дорожке довез до просторного домика на сваях.

В нем уже ничто не напоминало о работе. Из каждого окна виднелся бескрайний океан. Прямо под ногами, заметные благодаря стеклянному полу, плавали разноцветные рыбки. А моя красивая спутница больше не выглядела хмурой секретаршей и всерьез стала казаться настоящей невестой.

– Кажется, я понимаю, почему Татьяна Егоровна и Николай Петрович летали сюда по три раза в год, – выйдя на террасу, произнесла Лера.

– Они здесь отдыхали той зимой, когда дома сломался генератор?

Нужно было переодеться после дороги, но ничего не хотелось. Непривычное спокойствие и соленый запах океана опутали по рукам и ногам.

– Да, Татьяне Егоровне после долгой подготовки к моему дню рождения нужно было срочно сменить обстановку.

Возможно, мне показалось, но в голосе Леры не было ее привычной покорности. Скорее в нем звучала горечь. Именно такая, какую и заслуживали ее совсем не святые приемные родители.

– Они никогда не предлагали тебе поехать с ними?

– А зачем? – Лера пожала плечами и, раскинув руки, глубоко вдохнула свежий воздух.

– Иногда дети ездят в путешествия с родителями.

– Дети – да. Но ты ведь сам все понимаешь. Я была нанятой дочкой. Как сейчас нанятая жена. – Она обернулась ко мне с легкой улыбкой. – Наверное, стоило идти не на медицинский, а в какой-нибудь театральный.

В отличие от себя трехдневной давности, сейчас Лера не выглядела потерянной. Нельзя было сказать, что ее подменили: на меня молодая жена смотрела редко и даже в самолете предпочла занять место в другом ряду. Но что-то в ней поменялось.

Вот так сразу понять, что именно, было сложно. Я раскладывал вещи в своей комнате. Решал, как начать важный разговор, задуманный еще вчера. И периодически бросал взгляды в окно на соседнюю комнату.

Наверное, не стоило тянуть. Вряд ли я ошибся в чувствах Леры. Но того сумасшедшего напряжения, что было между нами в отеле, здесь почему-то не было. Я будто совсем не интересовал свою жену. Ни капли не смущаясь меня, она расхаживала по бунгалу в тонком, идеально облегающем красивую фигуру сарафане. Шлепала босыми ногами по стеклянному полу. И сама себе улыбалась, когда думала, что я не вижу.

Говорить с такой Лерой о влюбленности и контракте было верхом идиотизма. И я молчал.

Стараясь не смотреть на изящные маленькие ступни, заталкивал в себя обед. Одним ухом слушал рассказ администратора об островах и развлечениях. И сам не заметил, как согласился на небольшое путешествие под парусом.

* * *

«Только женщина способна превратить мужчину в безумца. А красивая женщина может еще и погубить!» – за последние полтора года я как-то забыл об этой святой истине. Ни стриптиз в исполнении Кристины, ни вполне откровенные намеки других женщин не способны были сбить меня с толку.

А тут... то ли долгий перелет, то ли обилие кислорода, то ли чьи-то ноги... Так и не понял, что Лера наговорила администратору, но парусная яхта прибыла по наши души сразу после обеда.

Этот парусник не вызвал особого доверия ни издали, ни вблизи. Я каким-то шестым чувством ощущал, что не нужно мне взбираться на его палубу. Но природное упрямство и все те же босые стопы отключили здравые мысли.

Дальше я не помнил ничего. Морская болезнь, о существовании которой я у себя и не подозревал, скрутила в бараний рог, и свет перед глазами померк.

О том, что я счастливый молодой муж, я забыл где-то на пятой минуте путешествия. О том, что ехал сюда с серьезными планами, – на пятнадцатой.

Словно на третьем курсе института, когда нас привели в морг, содержимое желудка принялось подкатывать к горлу. Рот заполнился привкусом горечи. И от любого наклона парусника мой обед все сильнее рвался наружу.

Шанс дожить до возвращения таял на глазах с каждой минутой. Более позорную смерть и придумать было сложно. Но шкипер, будто нарочно, не обращал внимания на посиневшего от счастья пассажира и на мои вялые просьбы вернуться. Матросы, словно рыбки-прилипалы, вились исключительно вокруг Леры. И, если бы не жена, я бы точно бросился за борт, чтобы прекратить наконец это мучение.

Как мы оказались в домике, так и не понял. Все мои силы уходили на то, чтобы держать рот закрытым и не превратиться в ходячий фонтан. Но и по возвращении лучше не стало.

Моей молодой жене пришлось мгновенно переквалифицироваться в личного доктора и заодно – секретаря. А спальня молодоженов, куда я поселил Леру, превратилась в лазарет.

Не в состоянии подняться или долго сидеть я до вечера оказался прикованным к кровати.

Чтобы не упустить что-то важное, Лера зачитывала вслух письма от Паши и из офиса. Сама набирала ответы. Периодически что-то уточняла для себя. Но исправно меняла влажные полотенца на моем лбу. Поила солоноватой водой. А один раз даже поругалась со мной из-за того, что отказываюсь отдыхать.

– Если ты попытаешься сам взять ноутбук и вернуться к работе, я договорюсь, чтобы тебя забрали на парусник.

Она с такой злостью стреляла в меня глазами, что невольно хотелось разозлить ее еще сильнее.

– Я не буду тебе больше ничего читать. Не можешь без дела, смотри на рыбок.

Лера взглядом указывала вниз, на стеклянный пол, и я, как дурак, пялился на отражение ее ног и белья под сарафаном.

– Твой Паша поклялся мне, что на сутки берет Биркина под свой контроль! – убивала она своими неожиданными организаторскими способностями.

Болезнь в таких условиях было и паршиво, и приятно. Все еще мутило, но от обилия красоты перед глазами на душе поселилось непривычное спокойствие. Попавшая в свою стихию Лера больше не таяла и не замирала рядом. А у меня напрочь вылетели из головы все мысли о серьезном разговоре.

Вместо разговоров я смотрел, слушал и удивлялся. Даже врач с острова оказался менее компетентным, чем моя умница-жена. И уж точно уступал ей в красоте.

Порой я ловил себя на совершенно мазохистской мысли, что медовый месяц получается гораздо лучше, чем я опасался.

Однако следующий день не принес нам облегчения. Я уже мог ходить и только-только перестал чувствовать себя инвалидом. Но будто одной поездки на паруснике нам было мало, к обеду на острова налетел тропический шторм.

* * *

Лера

После разговора с Наташей и ее безумной догадки, свадебного путешествия я и ждала, и одновременно боялась.

Больше всего хотелось прогнать слишком смелые мысли из головы и подготовиться умирать каждый раз, когда Никита будет меня касаться или о чем-то спрашивать.

За все наши встречи я, кажется, уже привыкла так умирать.

Но одно малюсенькое сомнение, вернее надежда, заставляло то безумно улыбаться... неожиданно, на пустом месте, то вместо закрытых платьев и легких брючных костюмов класть в чемодан легкомысленные сарафаны.

С этой надеждой я добралась до островов. С ней же заселилась в уютный домик на воде. А потом случилось путешествие на парусной яхте.

Для меня оно стало настоящим удовольствием. Океан, соленые брызги в лицо, огромный белый парус – совсем как в сказке.

Но вот на Никиту после этой поездки даже смотреть было больно. Бледный, слабый, он казался полной противоположностью того всесильного мужчины, от которого акционеров моего банка накрывала паника.

Уверена, нынешнего Никиту, с полотенцем на лбу и красными глазами, даже Биркин не смог бы узнать. Впрочем, я тоже его не узнавала.

А еще не узнавала себя.

Вместо влюбленной дуры включился врач. И вместо того, чтобы впасть в ступор от любого взгляда серо-голубых глаз, мне пришлось заняться лечением своего несчастного мужа.

Наверное, даже глупо было сравнивать, но делать ему холодные компрессы и поить было примерно так же приятно, как и целовать.

Настрадавшийся из-за морской болезни, Никита оказался в полном моем распоряжении. Не смотрел больше как на неразумного ребенка. Не рвался решать за меня проблемы.

Он был таким земным, таким простым и... своим. Поэтому, когда на следующий день Никита проснулся полностью здоровым, мне стало немного жаль.

Хоть проси о новой поездке на паруснике и продолжении нашей маленькой ролевой игры. Но планы природы оказались гораздо коварнее.

* * *

Что с погодой что-то не так, я поняла еще до первых капель. Небо очень быстро потемнело, а резкий порыв ветра распахнул настежь все окна и двери.

По-хорошему, стоило закрыть их, пока нас не залило. Но в самый последний момент я краем глаза заметила вазу с цветами. Она сиротливо стояла на нашем личном маленьком причале. Пошатывалась от ветра и размахивала белыми бутонами, будто просила спасти.

Если бы я только могла представить, что случится дальше, закрыла бы глаза и отвернулась. Но дара предвидения у меня не было. Не задумываясь, я бросилась из домика на причал. Какая это ошибка, стало ясно уже спустя пять или шесть секунд.

За них я успела добежать до вазы. Схватила двумя руками белоснежный букет. А потом порыв ветра и огромная холодная волна сбили меня с ног прямо в воду.

На то, чтобы вдохнуть побольше воздуха или хотя бы крикнуть «На помощь!», не хватило ни времени, ни скорости реакции. Так, в чем была, я и ушла на глубину.

Полы сарафана мгновенно сковали ноги, мешая плыть. Затылок встретился с дощатым настилом.

Где-то под причалом из моих рук уплыли цветы.

Где-то под домиком, как раз за стеклом, началась паника.

Как рыбка, выпучив глаза, я билась о стекло. Кричала, выпуская воздух. Глотала воду.

Я ничего не понимала и не могла никуда плыть. Красивый домик мгновенно превратился в клетку. Без стен, но с прочным потолком.

Вода, которая до этого радовала своим бирюзовым цветом, стала мутной и грязной. В лицо ударил комок водорослей. Сил даже для паники не осталось.

А после в доме надо мной неожиданно погас свет и в легких закончился кислород.

* * *

Не знаю, как у других выглядит «тот свет», но мой был потрясающим. Меня нежно гладили по голове, прикасались губами, и самый любимый на свете мужчина ласково звал по имени.

«Лера! Лера! Лера, ну, пожалуйста...»

Безумно хотелось отозваться, сказать «Никита» и попросить снова поцеловать. Ну что ему, жалко?

Однако рот почему-то не слушался. Из него с кашлем рвалась вода... литры соленого раствора, похожего по вкусу на тот, которым я вчера сама поила мужа. И перед глазами все расплывалось.

«Лера, давай же! Ты сможешь!»

Любимый голос словно вел меня. Он будто что-то требовал. Я не могла понять, что именно. Не могла спросить.

Каждая попытка произнести хоть что-то обрывалась из-за толчков горячих ладоней. Под какой-то непонятный счет они сдавливали грудную клетку. Наперекор моему желанию мешали уплыть на любимый голос. И вместе с водой из горла по щекам лились слезы.

«Дыши, девочка! Умоляю тебя! Лера!»

С новым прикосновением губ к губам легкие насильно заполнились чужим воздухом, и все красивые райские картинки в голове померкли.

Я в одно мгновение вспомнила стеклянный пол, сквозь который смотрела на комнату и молилась о помощи. Вспомнила, как кто-то дернул меня в темноте. Как чьи-то руки потянули сквозь стену воды в сторону и подняли на причал.

– Слава Богу!

В моей голове больше не звучало никаких голосов. Радужные ворота в рай тоже закрылись. Вместо них рядом вздыхал и тихо ругался Никита.

По его лицу и одежде стекала вода. Широко открытые глаза смотрели не моргая. И от каждого порыва ветра ткань мокрой футболки звонко хлестала по бокам.

– Я... не ум-ум-ерла? – Воды во мне уже не осталось, но от холода начали стучать зубы и произносить слова оказалось сложно.

– Кто б тебе разрешил! – Никита смахнул с лица воду и, пошатываясь, поднялся. – Но больше так не пугай! Я чуть не умер от страха, когда увидел твою руку под стеклом.

Он тяжело дышал. Казалось, что сам еле шевелился. Все делал как в замедленной съемке. Но стоило мужским рукам коснуться меня, оторвать от холодного пола, как мышцы затвердели, и Никита словно превратился в сталь.

– Я не хо-хотела...

В горле ком застрял. В сторону океана даже смотреть стало страшно. Где-то глубоко, на подкорке, я все еще стучала кулаками о стекло и глотала соленую воду.

Часть меня до сих пор не верила в спасение. Ужас был сильнее реальности.

– Я оч-очень ис-пуг-галась. – Зажмурившись изо всех сил, я повернулась лицом к плечу Никиты и прижалась лбом к мокрой ткани.

Наверное, если бы он отругал или сказал, что сама виновата, я бы разревелась как последняя дура. Слезы так и рвались из глаз. Опять! Будто глаза только для этого и были созданы.

Но ругать Никита не стал. Вместо этого наклонил голову, приклеившись ухом к моей макушке. Покрепче вжал меня в свою грудь и молча понес на кровать. Осторожно, словно я из тонкого стекла. Не шатаясь больше. И не вздыхая.

В том кошмаре, который творился вокруг нас, Никита казался бронированным поездом на рельсах. Ветер завывал, бросал в стекла брызги дождя и волны. Стучал открытыми форточками.

Дождь превратил пол в одну сплошную лужу. Залил кресло возле окна и стол с раскрытым ноутбуком. Красивая большая лампочка под потолком, вместо того чтобы освещать нам путь, шаталась из стороны в сторону, угрожая в любой момент разбиться о деревянную балку.

Наш уютный дом превратился в сито, продуваемое всеми ветрами насквозь. И только Никита в этом безумии оставался собой.

Он быстро донес меня до кровати. Метнулся к окнам и наглухо закрыл их все. Тут же вернулся.

– Ты мокрая и замерзшая. Нужно переодеться.

Его ладони без спроса принялись шарить по моему телу, стягивая бретели и распутывая полы сарафана. Не замечая вялые попытки прикрыться, Никита сбросил на пол мокрую одежду и принялся растирать меня первым попавшимся под руки полотенцем.

– Сейчас станет теплее.

Сильные пальцы скользили по плечам, по обнаженной груди и животу. Не останавливались ни на секунду. Касались везде, словно для нас не осталось интимных мест.

– Немного потерпи. Ты обязательно согреешься. – Никита ворочал меня как куклу, растирая кожу докрасна.

Если бы не завывание ветра и страх, который пока не получалось заглушить, я бы потерялась в этих прикосновениях. Застонала бы и призналась во всех своих желаниях. Поцеловала бы его... как на свадьбе, как четыре года назад в его доме. Я бы разрешила все что угодно.

Безумием было в такой момент думать о какой-то близости. Скорее всего, во мне говорил стресс. Адреналин и целый коктейль других гормонов. Но, когда Никита закончил и устало отбросил полотенце, я сама потянулась к нему.

– Ты тоже мокрый!

Мои непослушные пальцы схватились за низ его футболки и потянули ее.

– Лучше сам... – Кадык на горле Никиты дернулся, и он рванул футболку вверх.

– Я помогу тебе.

Полотенце оказалось слишком далеко, но на тумбочке лежал мой халат. Я схватила его, не обращая внимания на потемневший взгляд Никиты, и начала обтирать своего мужа. Почти как вчера, когда он был абсолютно беспомощным и согласным на всё.

Будто сам только начал приходить в себя, поначалу Никита не сопротивлялся. Его глаза внимательно следили за каждым моим движением. Грудь вздымалась высоко и часто. А желваки на скулах выдавали напряжение.

Мой железный идол словно добровольно сковал себя. Не пытался помочь, но и не мешал. Хватал губами воздух, когда мои руки скользили по рельефному прессу вниз. Позволял расстегивать пуговицу на легких льняных брюках. Вздрагивал от касаний ниже. И сжимал зубы так сильно, будто собирался стереть их в крошку.

От такого напряжения и выдержки у меня голова кругом шла. Слова Наташи сами всплывали в памяти, и самое красноречивое доказательство ее правоты одним своим видом заставляло стыдливо сжимать колени и облизывать губы.

Впервые я была с мужчиной наедине так близко. Впервые без защиты в виде одежды, обнаженная. И желанная настолько, что это нельзя уже было сохранить в секрете.

Шторм за окном только усиливался, но я ничего не замечала. Словно хотел помешать, дождь стучал в окна. Но я его не слышала.

Ради того, что сейчас происходило в моей комнате... спальне для молодоженов, можно было утонуть и воскреснуть.

Не жалко.

Не страшно.

Я до конца не верила глазам. Боялась поверить сердцу. Но...

Передо мной, загибаясь от тех же чувств, что и я, был не известный адвокат Никита Лаевский, не мой извечный спаситель, а мужчина. Красивый, сильный, совершенный... Тот, которого я очень давно любила и о котором даже не мечтала.

Стоило только решиться. Отбросить халат и коснуться его ладонями. У меня не было никакого опыта, никаких знаний – лишь слепая уверенность, что этого хватит.

Подушечки пальцев уже покалывало от напряжения. Все нервные окончания горели. Но Никита вдруг закрыл глаза... опустил голову... и сам перехватил мою руку.

– Лер, нет... не нужно. Хватит.

Звуки больше походили на треск ломающегося сухого дерева, чем на человеческий голос. Я даже не поняла сразу, что именно Никита сказал.

Однако спустя пару минут, откашлявшись, он повторил:

– Не нужно. Я сам.

Застегнув пуговицу на брюках, он медленно слез с кровати. Как будущую бабочку, укулил меня в одеяло. И, словно разрядившийся робот, опустился вниз, на мокрый пол.

– Это стресс. – Устало потер глаза. – Просто стресс. – Обхватил руками голову.

В ответ так и хотелось крикнуть: «Нет!» А еще лучше – швырнуть в этого невозможного упряма что-нибудь тяжелое. Но, сгорая от стыда, я натянула одеяло по самые глаза и до боли закусила губу.

– Я сейчас еще одно одеяло принесу. И позвоню администрации, чтобы решили вопрос с электричеством.

Мы, не сговариваясь, оба посмотрели на столик у окна, где рядом с залитым ноутбуком лежали два телефона.

– Мне вполне хватит одного одеяла, – я кое-как смогла вытолкнуть из себя слова.

– Да... Пока этот апокалипсис не закончится, наверное, побудем немного без света.

Никита провел ладонью по своим коротким волосам. Чертыхнулся.

– Можешь полежать со мной? Просто рядом. – Сама не поверила, что это сказала.

Зубы опять начали стучать. В этот раз совсем не от холода. Но при мысли, что Никита снова уйдет, становилось совсем плохо.

– Мне... – Я набрала полную грудь воздуха. Просто необходимо было как-то убедить Никиту. Не дать выстроить между нами еще более высокую стену. Оставить хоть ниточку связи. – Мне страшно.

Даже лгать не пришлось. Признание само сорвалось с губ. И Никита, на удивление, не стал спорить. Посмотрев куда-то себе под ноги, он кивнул. И ушел за вторым одеялом.

Глава 4

Никита

Несмотря на то, что дождь к вечеру стих и волны больше не доходили до окон, уснуть оказалось сложно. Я долго ворочался с боку на бок, стараясь не разбудить Леру. А когда уснул, приснилась Алина.

Наверное, это было странно, но за все полтора года она не снилась мне ни разу. Иногда случались кошмары об аварии. В них я сжимал руль и отчаянно пытался остановить летящий по трассе автомобиль. Иногда снился наш неродившийся малыш. Он улыбался, тянул ко мне ручки и всегда громко плакал в конце.

Но Алина... у меня в голове будто какая-то блокировка на нее стояла. Даже после аварии, когда безумно хотелось увидеть ее хоть во сне, фантазия не желала сотрудничать. Даже через год, когда боль стала отпускать.

Собственное подсознание трудилось против меня. А сегодня, в кровати рядом с другой, без всяких просьб и надежд оно вдруг решило, что пора показать Алину.

Во сне первая жена была такой, какой я встретил ее давным-давно в офисе на переговорах. Тогда она еще не была моей, не носила моего ребенка под сердцем и интересовала меня не больше, чем аляповатая картина на стене конференц-зала.

Ума не приложу, почему мозг выдал именно этот вариант Алины. Я смотрел на красивую женщину в брючном костюме, замечал, как она мне улыбается. Но не знал, что с ней делать.

Алина была и своей, и чужой одновременно. До этого момента я верил, что между нами ничего не могло измениться. Что полтора года – ничто! А теперь вместо радостной встречи с объятиями и поцелуями смог лишь протянуть руку и переплести наши пальцы.

Как с давней знакомой.

С той, у кого не было смысла спрашивать, когда закончится срок моей вины и как теперь жить дальше.

Это был совсем не тот сон, о котором я мечтал раньше. Он не дал ничего, кроме короткого прикосновения. А когда я проснулся, ушел вместе с легкой головной болью.

Остались лишь странная пустота внутри и сверток из двух одеял рядом.

Судя по рваному дыханию, «сверток» не спал. Вот только поворачиваться ко мне почему-то не спешил. Мучил холмистым рельефом, который я вчера без всяких одеял успел изучить и глазами, и на ощупь. Иногда едва слышно цокал языком.

– Планируешь мне очередную океанскую регату?

Невозможно было противостоять желанию притянуть девчонку под бок. Всю ночь мы коlobками катались по матрасу друг от друга. Заряды, блин, с одинаковой полярностью. Вздыхали. Сопели. А сейчас резко осточертело.

– Для тебя только кругосветка.

Лера не сопротивлялась. Вздогнула, когда я губами коснулся голой шеи. Но тут же, как мышка, затихла.

– Я храпел?

Держать ее так, в объятиях, оказалось настоящим удовольствием. Все углы совпали, словно девчонка была создана под меня. Местами даже стало неудобно и тесно.

– Нет, хуже! – Маленькая мышка, похоже, настроилась играть роль кошки.

– Приставал к тебе? – Я перегнулся и заглянул Лере в глаза.

– Нет, – не глядя на меня, ежиком фыркнула она.

– Тогда остается только лунатизм. Только я вроде бы этим никогда не страдал.

Задачку она задала хорошую. Одно нехорошее предчувствие уже закралось в голову. Но Лере вдруг надоел наш пинг-понг.

– Ты назвал меня Алиной. – Она развернулась лицом ко мне.

Словно над головой завис топор палача, я внимательно всмотрелся в глаза напротив и скользнул взглядом на губы.

От сердца отлегло. Глаза оказались ясными, без предательской красноты и следов слез. Губы, хоть и были искусаны, но не больше обычного. Такие же сочные, соблазнительные и яркие.

– Это был просто сон.

Я с облегчением уронил голову на подушку.

– Ты обнял меня и сказал: «Алина».

Моя мышка все больше свирепела. Казалось, еще секунда, и я получу торшером по лбу.

– Ты же доктор. Знаешь, что иногда люди говорят во сне. Но это ничего не значит.

– Я столько всего знаю...

Лера попыталась снова повернуться ко мне спиной, однако я оказался быстрее. Пока обидчивый «сверток» воевал с одеялами, я рывком навис над ней сверху на вытянутых руках и зафиксировал со всех сторон.

– Хочешь, я сам закажу себе тур на паруснике? Могу, специально для тебя, заранее попросить, чтобы досрочно не возвращались, даже если стану умолять.

В реальности я подобное и представлять не хотел. Желудок аж сжался от опасной перспективы. Но сейчас важнее было другое: не моя реакция, а сумасшедше красивой разъяренной дикой кошки подо мной.

Налюбоваться на нее не получалось. И где только прятала такую горячую, страстную часть себя от других? Еще одна незнакомка на мою голову. Только из плоти и крови.

– А мне после твоей регаты нужно будет снова топиться?

Губы Леры дрогнули и растянулись в улыбке.

– Нет, хватит с нас одного трупа – меня.

– И даже биться головой о пирс не придется? – Она вытянула из-под одеял руку и осторожно потерла затылок.

– Для тебя у меня есть другое задание.

До этого момента я сам не знал ни о каком задании. Не планировал ничего и был свято уверен, что плавание нашей «семейной лодки» закончится сразу после медового месяца.

У меня даже теория была. О влюбленной маленькой девочке, которой нужно срочно раскрыть глаза, и засохшем бревне. Некрасивая теория. Складная, но бездушная как заключение патологоанатома.

Но этот шторм и сон...

Привыкший к логике мозг буксовал. Он не успевал за идеями, которые рождались в голове. А у меня не было никакого желания давать ему время на анализ.

Вместо очередной гениальной идеи хотелось, чтобы на лице девчонки, которая сейчас смотрела на меня как на чудо, снова вспыхнул восторг и серые глаза заблестели от радости.

В словах про бога и планы, которые нельзя ему рассказывать, наверное, все же что-то было. Жаль, раньше я редко об этом думал и совсем не верил ни в какие высшие силы.

– Мне сейчас не слышалось... – Лера облизала губы. – У тебя есть задание?

Больше всего на свете мне хотелось нырнуть в ледяную ванну или хотя бы встать под холодный душ. Телу это было просто необходимо! В лечебных целях!

Но вряд ли Лера поняла бы мой внезапный забег в ванную комнату.

– Администратор говорил, что здесь, на центральном острове, есть неплохой ресторан. – Чувствуя себя престарелым девственником, который зовет на встречу девушку мечты, я откашлялся. – Как ты смотришь на завтрак со мной?

– Никита Лаевский, вместо миллиона твоих важных дел ты приглашаешь меня в ресторан?

Глаза Леры распахнулись так широко, что в них можно было смотреться как в зеркало.

– Я приглашаю тебя... на свидание.

Последнее слово далось тяжело. Будто оно было из другого, незнакомого языка, я с трудом произнес его без запинки. Но результат стоил любых усилий.

– Прости... Это мне сейчас снится? Или вчера без сотрясения не обошлось?

Лера сглотнула и принялась тянуть на себя одеяло. До самого носа.

– Обещаю вести себя прилично.

Пока она совсем от меня не скрылась, пришлось завалиться на бок и сбросить с нее наконец всю ее защиту.

– Может, не надо?

Словно рачок, оставшийся без панциря, Лера изо всех сил дернула одеяла назад. Когда с первого рывка не удалось вернуть «броню», в ход пошли руки, которыми она хватала ткань, и ноги, которыми отбивалась от меня.

Такой силы я сам от нее не ожидал. Моя маленькая дикая кошка на глазах эволюционировала до тигрицы.

– Никита, мы можем поесть здесь и заняться делами. Уверена, раздобыть на время ноутбук будет несложно.

Видимо поняв, что не справится, Лера успокоилась и гордо выпятила подбородок. Совсем не девочка. И ни капли не покорная жена.

– Обязательно займемся. – Одеяла улетели туда же, куда вчера наша мокрая одежда, и я встал с кровати. – Но сейчас идем на свидание. – Не оглядываясь, двинулся в свою комнату. – Будем знакомиться заново.

* * *

Я хорошо знал, что такое ресторан и что в нем нужно делать. За тридцать два года изучил почти все приличные заведения Питера и Москвы. Знал, где лучше вести деловые переговоры, а откуда ближе ехать до хорошего отеля с крепкими кроватями и качественной звукоизоляцией.

Но я совсем не представлял, как вести себя с Лерой. Мозг по привычке намекал, что нужно будет о чем-то разговаривать, изображать настоящее свидание. Раз уж позвал! А тело... от одного вида моей жены в легком шелковом сарафане хотелось вернуться в кровать и не выпускать ее денек-другой из объятий.

Можно было сколько угодно изображать тугоухого слепца. Можно было отрешиваться от того, что вижу и чувствую. Но Лера точно знала, как на меня действует! Эта тихая, скромная девочка раскусила меня, как пацана, и теперь веревки вила своими голыми плечами, атласной кожей и соблазнительными изгибами под тонкой тканью.

Я шел за ней в ресторан как ритуальный бычок на заклание. По миллиметру изучал изящные лодыжки. Шизел от плавных, покачивающихся движений бедер. Раз за разом вытравливал из мыслей вопросы о белье. И категорически запрещал себе поднимать взгляд выше.

Однако за столиком легче не стало. Устроившись напротив, Лера перекинула волосы на одно плечо и вопросительно уставилась на меня своими серебристыми глазами.

– Это мое первое свидание в ресторане, – краснея, созналась она. – Так что, если ты думаешь, что я знаю, как себя вести... то это не так.

Закончив фразу, она опустила взгляд в стол и плотно сжала губы. Образец целомудрия. Эталонная монашка, потерявшая где-то свою рясу.

– Первое... – Я с огромным трудом протолкнул в горле неизвестно откуда взявшийся ком.

– Так получилось... На медицинском учиться нелегко, а под конвоем охраны даже с друзьями встречаться удавалось лишь на фуд-кортах торговых центров или в кинотеатрах.

Белые зубки аккуратно прихватили нижнюю губу, и мой внутренний мазохист набросил на шею взмыленную петлю.

Не думать, в чем еще я мог стать первым, оказалось настоящим испытанием. Вчера я видел Леру без одежды, уже знал, какая она отзывчивая и чувствительная. Для того чтобы крыша затрещала от желания съехать вниз, вполне хватило бы и этих открытий. Но сейчас... аппетит внезапно куда-то исчез, а прежнее желание – нагреть в холодный душ – превратилось в навязчивую идею.

– Значит, на фуд-кортах... – Я медленно перевел дыхание и взял в руки меню. – Боюсь, вряд ли здесь найдется хот-дог или пицца.

На губах Леры мелькнула улыбка.

– Я всеядна. Выбирай что хочешь. Только, пожалуйста, не заказывай устриц. И... клубнику. Кажется, с недавних пор у меня на них аллергия.

Моя умная молодая жена вздрогнула, будто представила сейчас всю эту роскошь. И залилась хохотом.

Мгновенно вспомнив, когда последний раз видел устриц и клубнику, я тоже не сдержался. Уголки губ сами растянулись в стороны. А потом из груди вырвался смех.

– Мы умудрились завалить всё! И первую брачную ночь. И медовый месяц, – признал я, отсмеявшись.

– Зато воспоминания останутся яркими.

– Да, такое забыть будет сложно.

За окном вдалеке мелькнул парусник, и мой желудок обрадовался, что пока пуст.

– Но не такую помощь тебе я планировал.

Лера покрутила в руках папку с меню. Но, так ничего и не выбрав, отложила.

– А сейчас ты меня пригласил на свидание.

Ее румянец, который только начал затухать, снова вспыхнул.

– И ты не знаешь, как себя вести? – Я словно у самого себя спросил.

Вместо ответа Лера кивнула. Уверен, будь тут одеяло, она завернулась бы в него по уши. Не посмотрела бы на других посетителей. И тем более на меня.

– Рассказать, чем обычно люди занимаются на первых свиданиях?

Не знаю, какой леший дернул меня за язык. Наверное, тот самый, который и устроил этот садомазохистский поход в ресторан.

Будто я предложил снять с себя штаны и с голым задом пробежаться вдоль линии прибоа, Лера удивленно округлила глаза. И снова кивнула. На этот раз без смущения. Скорее с восторгом. Как ребенок, которому пообещали собственную шоколадную фабрику.

Я даже засмотрелся. Словно на чудо, с которым раньше никогда не встречался, а сейчас получил в персональное пользование.

– Тебе приличный вариант или неприличный?

Очень трудно было не рассмеяться и сохранить серьезный вид. Щеки ныли от напряжения. Я уже и не помнил, когда приходилось так сдерживать смех.

– А их сразу два?

– Возможно и больше, но мне пока встречались только два.

– Это не будет наглостью с моей стороны, если я попрошу озвучить оба варианта?

Моя молодая жена стала окончательно красной. От ключиц до ушей. Как та самая клубника, которую мы договорились не заказывать. Но держалась Лера королевой. Гости за сосед-

ними столиками шеи сворачивали, заглядываясь на нее. А официант чуть не пролил из графина воду, когда пришел принимать заказ.

– Уверена, что готова услышать?

– С удовольствием.

Официант уже махал перед носом своим блокнотом, но мое новое дело оказалось гораздо важнее заказа. Ткнув ему на две строчки в меню, которые первыми попались на глаза, я избавился от свидетеля. И начал.

Под звонкий смех Леры рассказывал, как однажды умудрился пригласить в ресторан судью и весь вечер ломал голову над расставанием без ущерба своему подзащитному.

Рассказывал о свиданиях в далекой молодости, когда учился за границей и денег порой хватало только на фуд-корт.

Делился историями из Пашиной бурной жизни, когда тот уезжал из ресторана в компании двух красивых девушек, а потом узнавал, что заарканил совсем не женщин.

Под сытный вкусный завтрак веселить Леру было легко и приятно. С каждым новым рассказом она все больше оттаивала. Все чаще решалась на вопросы. Не замечая, втягивалась в разговор. И иногда делилась своим.

От этих редких признаний внутри будто все переворачивалось. Плавилось. Но я и вида не показывал. Взглядом отгонял любопытствующих конкурентов. Уже привычно грезил о холодном душе. И чувствовал себя таким живым, каким не чувствовал уже года полтора, а то и больше.

Будто Алина сегодня во сне простила все грехи и дала зеленый свет.

Непривычное было состояние. Не таким я встречал свою невесту на пороге Дворца бракосочетания. Но и возвращаться к себе прежнему не хотелось.

«Начать с чистого листа». Фраза упорно крутилась в голове, и, глядя на улыбку Леры, хотелось... И начать. И ее. И засунуть куда-нибудь подальше все свои гениальные мысли вместе с мудрыми планами.

Глава 5

Лера

Первая брачная ночь и начало медового месяца получились у нас с Никитой неудачными, но окончание путешествия стоило любых испытаний.

Благодаря Никите у меня был самый лучший первый поцелуй. Благодаря ему же – первое свидание в ресторане тоже стало лучшим.

Он читал меня как раскрытую книгу и умело управлял эмоциями. Рассказами о других свиданиях Никита быстро избавил от смущения и заставил смеяться. Я будто снова вернулась в свои восемнадцать, когда мы могли свободно разговаривать. Где не существовало никакой сделки, не разделяла трагедия в прошлом.

Легко было.

Рядом шумел океан. Уже не буйный, а покладистый. Он облизывал бирюзовыми волнами золотистый пляж в нескольких метрах от нашего столика. Заигрывал с солнцем, слепя яркими бликами гуляющих туристов.

Вкусный завтрак с яйцами пашот, тостами и черным кофе радовал глаза и желудок. Ароматы заставляли его предательски урчать.

А от улыбки мужчины, сидевшего напротив, за моей спиной пробивались крылья.

Наташа все же ошибалась, когда говорила, что не нужно ждать своего журавля и лучше тренироваться на синицах. Мой журавль точно стоил любого ожидания. Даже с синевой под глазами и колючей щетиной.

Я иногда отворачивалась в сторону, не веря, что мы действительно вместе, как настоящая пара. Закрывала и резко распахивала глаза, прогоняя слишком сладкий сон.

Но ничего не менялось. Со мной на самом деле был Никита. Не кто-то другой, а именно он шутил, заказывал завтрак с десертом. И смотрел... не так, как раньше. А с интересом и восхищением. С жадностью, от которой все мое тело плавилось, и никакой кофе не способен был справиться с сумасшедшей жаждой.

До конца завтрака я боролась со своим недоверием. К десерту придумала целую дюжину теорий, доказывающих, что у нас ничего не поменялось и что сейчас просто так сложились обстоятельства – качка и шторм.

Но когда свидание закончилось и мы вернулись в наш домик, все эти теории рассыпались как пирамидка из детских деревянных кубиков.

Я так и не поняла, кто первый остановился и потянулся губами к губам. Еще несколько секунд назад по обе стороны от деревянного настила плескались волны и кричали птицы. А сейчас по моей спине побежали мурашки и в ушах послышался стон. Чужой. Короткий и жадный.

Все случилось так быстро, что ноги сами подогнулись. Руки, спасаясь, вцепились в широкие мужские плечи. И новый шторм накрыл с головой.

Серо-синяя глубина... только теперь не воды, а глаз.

Сильные ладони на моей талии. Притягивающие. Сминающие.

Растерянность и... радость.

Я, как и вчера, не верила, не соображала и отдавалась.

Позволяла раскрывать рот, сжимать в объятиях и плавить сумасшедшим напором. До слез радовалась чужому воздуху, который заполнял легкие, словно всю меня.

Разрешала утягивать на такую грань ощущений, где я еще никогда не была. Острую, опасную. И успокаивать тихим шепотом:

– Вкусная... Хорошая... Нежная...

Губы Никиты были повсюду. Он целовал мои глаза, щеки, шею. Говорил о том, что еле держится и что я слишком сладкая.

Клеймил мое тело своими пальцами. Скользил по спине и ниже. Стискивал. Чертыхался. Давал ощутить свою твердость. И снова целовал.

Никогда я не пробовала поцелуи других мужчин и не позволяла так к себе прикасаться. Никто, кроме Никиты, не был со мной настолько близко.

Я не хотела их. Тело не реагировало на чужие прикосновения, а внутри все молчало, будто изначально было настроено лишь на одного-единственного.

Для всех я была ледышкой, фригидной отличницей с конспектом вместо сердца. А с Никитой... Каждое его слово отзывалось сладкой ноющей болью ниже живота. Каждый поцелуй заставлял терять голову и забывать... вычеркивать из памяти то, как утром он назвал меня Алиной, то, что между нами лишь договор и впереди только год.

Пожелай Никита большего – я бы не остановила. Мне хотелось этого большего.

Гордость? Забыла о ней.

Страх? Утонул вчера вместо меня.

Сомнения? Рассеялись от горячих прикосновений и голодных поцелуев.

Никита во всем был для меня первым. И сейчас я готова была просить стать первым и в близости...

Мой муж.

Мой любимый.

Но когда я начала расстегивать пуговицы на его рубашке, Никита словно протрезвел.

С рваным вдохом, останавливая, он положил руку на мои пальцы. Прижал голову к своей груди. Медленно, будто разучился нормально дышать, выдохнул.

– Маленькая, меня совсем кроет от тебя.

Словно подтверждая, его сердце забилося еще громче.

– Это плохо?

Я готова была расплакаться из-за того, что мы остановились.

– Нет. Это хорошо. Даже отлично. – Губы Никиты легким поцелуем коснулись моей макушки. – Ты потрясающая. На тебя невозможно реагировать иначе.

– Но я тебе не подхожу...

Вчера от обиды хотелось лечь и умереть, а сегодня внутри поднялась такая волна злости, что трудно было совладать с собой.

– Со мной, значит, можно только целоваться! – Извернувшись, я ткнула Никиту локтем в грудь. Не щадя, не думая ни о каких последствиях или о том, как буду выглядеть.

– С тобой все будет идеально. Я уверен.

Этот гад словно и не почувствовал. Вместо того чтобы отпихнуть меня подальше, громко рассмеялся и еще крепче прижал к себе. Распластал на широкой мускулистой груди.

– Нет, я для тебя так... – вырвалось у меня со всхлипом. – Соседка!

– Очень красивая соседка. Сладкая.

– Клиентка, которую нужно беречь!

– Самая привлекательная клиентка! Такая, ради которой можно и отойти от своих принципов.

– Девчонка! Малолетка, с которой ничего нельзя делать!

Я изо всех сил снова дернулась. Как змея прошипела этому мерзавцу: «Не-е-ет!»

Но он снова переловил. Опять вжал в себя, дав почувствовать, как сильно ошибаюсь. И, заставив посмотреть в глаза, произнес:

– Если я сорвусь, то не выпущу тебя из спальни ни сегодня, ни завтра, ни через неделю. Потом тоже не выпущу. Не знаю, как буду разрываться между работой и тобою, но выбора у тебя не останется.

Будто Никита уже раздел меня и положил на кровать, я вздрогнула.

– Считаешь, мне нужен выбор?

Облизала внезапно пересохшие губы.

– Выбор?.. – Взгляд Никиты потемнел, а большой палец правой руки очертил контур моих губ. – Я не хочу давать тебе никакого выбора. У меня крышу от тебя рвет. Но еще я не хочу, чтобы через месяц или два ты пожалела, что поддалась эмоциям.

– Тебе подсказать, куда запихнуть свое благородство?

Мои губы против воли растянулись в улыбке, а на душе вместо холодной злости разлилось тепло.

– Оно уже там. Поверь. Хорошо, что ты не умеешь читать мысли. Бежала бы подальше со всех ног.

Никита наконец выпустил меня из объятий. И сам отошел на шаг.

– Но... – начала я.

– Но я могу оказаться совсем не тем человеком, каким ты меня представляешь. Лера, я не ангел, не спаситель и не такой уж рубаха-парень. Уверен, уже скоро тебе донесут много интересного. И о моем прошлом. И о настоящем. – Он невесело усмехнулся. – Благожелатели всегда найдутся. А я потом могу не отпустить.

* * *

После откровения Никиты до самого обеда я ходила как заколдованная. С губ не сходила глуповатая улыбка. На глаза периодически накатывали слезы. Умиляли малыши, которые резвились в детском бассейне на берегу. Я подолгу засматривалась на парящих в небе чаек и на парусники где-то вдаль.

Все это очень напоминало знаменитый женский ПМС. Единственное отличие состояло в том, что вместо перепадов настроения мне стабильно хотелось лишь одного – целоваться. Долго. Постоянно. С мужчиной, который сам сходил с ума от нашей близости.

К сожалению, поцелуи и продолжение знакомства пришлось отложить. Из-за выходного, подстроенного штормом, на Никиту навалилась целая гора дел. А вечером ждал самолет.

В нем муж тоже работал. После – спал, прижав мою голову к своему плечу. Ну а утром нас встретил Питер.

Впервые я не радовалась возвращению домой. Еще у трапа хотелось закричать: «Я никуда отсюда не уйду, верните меня назад!» Но пришлось стиснуть зубы и позволить Никите провести меня через все коридоры к нашей машине.

Из дома, переодевшись, муж сразу же отправился в главный офис банка. Меня он попросил приехать туда не раньше вечера. Причины по телефону не пояснял. Лишь долго смотрел в камеру уже знакомым жадным взглядом. И что-то едва слышно отвечал Павлу.

До вечера, я думала, не доживу. Время тянулось бесконечно долго. Сил не было ни на какую переписку с любопытной Наташей. Не хотелось показываться на глаза слишком догадливому СанСанычу.

Вместо того чтобы заняться учебой или хотя бы проверить почту, я час отмокала в ванне с ароматной пеной. Еще час укладывала волосы и потом долго, тщательно выбирала одежду для поездки в офис.

Такое в моей жизни было впервые! В банке меня видели всякой: и в джинсах, и в деловом костюме. Но сейчас хотелось стать особенной – под стать своему потрясающему мужу.

Впервые я понимала Татьяну Егоровну, которая могла полдня проводить в салоне красоты перед поездкой в офис на какое-нибудь совещание или просто к Биркину.

Однако, как только я поднялась по ступенькам бизнес-центра и вошла в холл, стало казаться, что попала в чужой банк или все вокруг вместо меня видели другую женщину.

Впервые охранник на входе бросился сам открывать турникет. Впервые спешащие по домам работники начали останавливаться и здороваться. Впервые меня пропустили в лифт первой и весь подъем никто не пытался прижаться или наступить на ногу.

Ощущения были непривычными. К моменту, когда я дошла до своего кабинета, всерьез начала верить, что я владелица банка. Но стоило на миг заглянуть в конференц-зал, находившийся рядом, тут же прояснились истинные причины перемен.

Мой замечательный муж так и не успел управиться до вечера. И он, и все руководители департаментов сейчас находились на работе. Все, кроме Никиты, опустив головы, смотрели на документы перед собой. Кто-то что-то записывал. Кто-то нервно тер шею.

Никто не ухмылялся и не перешептывался, как это случалось во время собраний с моим участием. Никто не перебивал говорившего и даже не косился в его сторону.

Я ни разу не была на собраниях, которые проводила Татьяна Егоровна, но вряд ли она могла переплюнуть Никиту.

Суровый, уверенный, он сидел во главе стола как царь. Незримо давил на всех своей тяжелой, властной аурой. От холода в его глазах и четких громких распоряжений, у меня перехватывало дыхание и хотелось выполнять все, что потребует.

Это был лучший антикризисный управляющий банком, о котором можно было лишь мечтать. Он и правда не походил на рубаху-парня, но от каждого его распоряжения, вопроса или упрека мне приходилось все сильнее сдерживаться, чтобы не захлопать в ладоши.

Ума не приложу, как пережила целых полчаса совещания. Заметившая меня секретарша дважды предлагала кофе и даже принесла стул, чтобы мне удобнее было подсматривать. Но я не смогла ничего проглотить или хотя бы присесть.

Хотелось к Никите.

Прижаться к груди, как вчера после ресторана.

Дотянуться до губ.

И поцелуем рассказать, как сильно я им восхищаюсь.

Когда двери открылись нараспашку и присутствующие начали покидать конференц-зал, от моей гордости не осталось и следа. Плюнув на то, что подумают, я заставила всех посторониться и направилась напрямик к мужу.

– Прости, я немного задержался.

Никита встал из-за стола и, окинув меня восхищенным взглядом, сгреб в объятия. О том, что на нас смотрят, он тоже, казалось, не думал.

– Всё хорошо. – Уткнувшись ему в шею, я глубоко вдохнула.

Мой питерский Никита больше не пах океаном, но голова от его аромата кружилась еще сильнее.

– Мне показалось или ты подсматривала? – Горячее дыхание опалило висок.

– Это было потрясюще! – призналась я, как только за последним участником совещания закрылась дверь.

– Я сомневаюсь, что кто-то из них разделяет твой восторг, но теперь выбора у них не будет.

На губах Никиты мелькнула ухмылка.

– Верю. Биркин уже пытался ставить палки в колеса?

О работе в такой момент думать было сложно. Я даже фамилию управляющего вспомнила с трудом, словно он был персонажем из какой-то другой жизни.

– Уж в ком, а в нем можешь не сомневаться. – Никита тяжело вздохнул. – Он ни одной минуты нашего путешествия зря не потратил. Стахановец.

– И теперь у нас какие-то проблемы?

Я по-детски скрестила за спиной пальцы наудачу, но жест был глупым, как и надежда на него.

– Ничего существенного. Забудь! Я разберусь.

– Мне почему-то в этой фразе слышится другая...

Я аккуратно выбралась из объятий мужа и обхватила себя руками.

– И какая?

– Не знаю точно, – пожала плечами, – может, что нужно подождать. Может, что тебе придется куда-то уехать.

Сама не знала, откуда у меня возникли эти догадки. Никита ведь ни на что не намекал. И во время совещания я не слышала ничего подозрительного.

Вообще не было ни одного повода так думать, кроме сумасшедшей усталости в любимых серо-голубых глазах и двух складок между бровей. Тех самых, которые я уже видела вчера после признания.

– Ты не только очень красивая, но еще и умная.

Не обращая внимания на сопротивление, Никита снова притянул меня к себе. Стреножил руками, заставил замереть внимательным взглядом. И выбил из головы все мысли своей твердостью.

– Приедешь ко мне в Москву? – Он посмотрел в глаза с такой надеждой, словно я могла ответить «нет».

– Биркин сумел создать тебе проблемы в бюро?

– Лер, все неважно. Я спросил о другом. Ты приедешь?

– Это что-то серьезное?

Наверное, я просто не хотела верить, что Никита может вот так просто уехать. Мозг отказывался принимать реальность, где между нами снова будет много километров и дней ожидания.

– А может, твой Паша сам сможет всё решить? – Я чуть не захныкала.

– Паша не знаком с тем, кто мне нужен. Да и через посредника они разговаривать не будут.

Никита взял меня за подбородок и заставил поднять голову.

– Скажи честно, это часть твоего коварного плана?

– Какого?

– Того, о котором ты рассказывал на островах. Заставить подождать.

Будто сказала какую-то шутку, Никита задрал голову и громко рассмеялся.

– Ему еще и смешно! – Я возмущенно ткнула этого наглеца локтем, а потом обхватила руками его грудь. Сжала изо всех сил.

– Маленькая, я в курсе, что мазохист, – отсмеявшись, произнес Никита. – Возможно даже, самый последний мазохист. Какая-нибудь клиническая форма. Но я точно не такой безумец, как тебе кажется.

– Я бы поспорила...

– А ты поспорь! Дня через три. В Москве. – Его взгляд потемнел, а руки с моей спины скользнули ниже. – В третий раз спрашиваю: приедешь ко мне?

Ладони сжали ягодицы, и кадык на горле Никиты дернулся.

В ответ исключительно из вредности так и хотелось сказать «ни за что». Отомстить хоть так.

Но этот коварный мужчина приблизил свои губы к моим, мягко раскрыл... и не осталось ни гордости, ни обиды, ни вообще слов.

Глава 6

Лера

Уже зная, как сложно ждать встречи с Никитой, я поминутно расписала свой график на ближайшие три дня. В получившемся списке дел не было перерывов на тревогу и скуку. В нем даже на еду отводилось не больше двадцати минут, а на сон – не больше восьми часов.

Впрочем, как оказалось, столько времени на сон – это много. За ночь я успевала и поспать, и пофантазировать, и несколько раз изучить фотографии.

Ума не приложу, как Никита отыскал на островах мастера, но залитый дождем телефон работал исправно. Сохранилась вся информация. В том числе и моя маленькая тайна – сделанные тайком фото мужа. Где-то серьезного, хмурого. Где-то уставшего, с закрытыми глазами. Где-то задумчивого, наблюдающего за горизонтом, словно оттуда вот-вот ему подадут какой-то сигнал.

Насмотреться не получалось. Всего за три дня я умудрилась привыкнуть к Никите настолько, словно всю жизнь прожила с ним рядом. Губы зудели от желания целоваться. Руки постоянно тянулись к подушкам или книгам, чтобы хоть что-то обнимать.

Совсем осмелев, я представляла свою первую близость с ним. И все три утра подряд просыпалась такая разбитая, будто не мечтала, а готовилась к экзаменам.

К третьему дню исчезли все сомнения по поводу Москвы. Я сложила в чемодан вещи, добавила красивый комплект нижнего белья, который Наташа еще перед свадьбой заставила купить. И попросила СанСаныча отвезти меня в аэропорт.

На удивление, интересоваться причиной поездки он не стал. Вместо водителя сам забрал мой чемодан и уселся за руль.

Я искренне надеялась, что так же, без вопросов, пройдет и вся дорога. Но на подъезде к аэропорту мой молчаливый начбез вдруг заговорил.

– Лер, это, конечно, не мое дело. Но ты бы с Никитой не спешила... – как обычно, СанСаныч начал с туманных фраз.

– Мы не спешим. Он очень сильно помог с банком. Без него я бы не справилась с Биркиным и акционерами.

– Я не о банке говорю. – Начбез сурово зыркнул на меня в зеркале заднего вида.

– Не о банке...

В салоне почему-то стало душно, словно кто-то включил обогрев на максимум.

– Лер... Я не хочу вмешиваться, но ты ведь ничего о Лаевском не знаешь.

Я задержала дыхание, и в памяти тут же всплыли недавние слова Никиты о доброжелателях, которые попытаются открыть мне глаза на прошлое мужа.

Его пророчество, похоже, сбывалось.

– Я люблю его с двенадцати лет. Не было и дня, чтобы я сомневалась в своих чувствах. А сейчас знаю, что и Никита ко мне неравнодушен.

– Неравнодушен он, – презрительно хмыкнул СанСаныч. – Его задача была помочь спасти банк и держать свои штаны подальше.

Всегда спокойный начбез завелся не на шутку. Я и раньше не слышала от него ничего хорошего о Никите, а сейчас...

– Не хотел я этого рассказывать. Бог видит, надеялся, что Никита сам справится, но... у твоего ненаглядного столько скелетов в шкафу, что тебе не вытянуть. Ты даже не представляешь, какие люди за ним стоят и какие вопросы он решает.

И до этого не очень-то понимала, что говорит мой начбез, а сейчас вообще потерялась.

– Он юрист. У него бывают всякие дела. – Я тоже начала заводиться.

– Ну-ну... Только для некоторых его дел даже диплом юриста не нужен. А еще не нужны ни следствие, ни суд. Всё сам.

– Стоп! Не знаю, зачем этот разговор, но я не хочу слушать подобный бред дальше. Словно успокаивая, память тут же подкинула картинки с последнего совещания.

Там Никита казался настоящим укротителем. Он не нарушал никаких законов, но заставлял себя уважать и выполнять распоряжения.

Ни один акционер не посмел с ним спорить. Никто даже рта не открыл.

– Милая, прости.

СанСаныч устало выдохнул и остановил автомобиль у шлагбаума. За ним уже виделся аэропорт и ручейки спешащих людей.

– Я не хочу ничего прощать и не хочу больше ничего слышать.

Хотелось прижать ладони к ушам и, как делала когда-то давно в детском доме, петь под нос песенку. Любую! Лишь бы не позволяла разобрать чужие слова.

– Родная, у него руки по локоть в крови. – СанСаныч обернулся ко мне и по-отечески погладил по щеке. – Как, думаешь, он нашел убийц своих родителей? Как смог сохранить их компанию? Куда делся убийца его жены? И почему вообще она погибла?..

– Он юрист. Очень умный юрист!

Я отвернулась в сторону окна и стиснула зубы. Безумно хотелось вырваться из машины, забрать свои вещи и попросить СанСаныча не встречать, когда надумаю вернуться в Питер.

Видеть его не могла. А слушать дальше – тем более.

– Прости меня, девочка.

Сухая мозолистая рука упала.

– Это я предложил позвать его, – голос начбеза стал совсем глухим. – Старый дурак. Думал, Никита справится. Не пустит тебя к себе.

Перед нами медленно поднялся шлагбаум. Пытаясь хоть как-то отвлечься, я засмотрелась на полоски на нем. На огни, которые словно подмигивали. На кусок изоленды, которым щедро был обмотан конец шеста, словно без нее вся конструкция могла в момент развалиться.

Почти как мой брак.

– Все равно... Это не имеет значения. – Я тряхнула головой и решительно достала из сумочки телефон. Идея сделать Никите сюрприз перестала казаться удачной. Теперь хотелось, чтобы он меня встретил, забрал и никуда не отпускал от себя. – Это прошлое. Пусть оно в прошлом и остается.

Быстро написала сообщение с номером рейса, временем прибытия и отправила мужу.

– Так-то оно так, только...

Под шум сигнализации чей-то чужой машины СанСаныч стал парковать нашу, и остальные его слова потонули в противном «бип-бип-бип...».

Все, что удалось расслышать – обрывки фраз: «...слишком сильно любишь...», «...не залечил до конца свои...», «...опасно всегда...».

Но сложить их вместе у меня так и не получилось.

* * *

Предупреждать Никиту о своем визите перед перелетом было плохой идеей. Я это прекрасно понимала, поэтому не расстроилась, когда вместо себя он пообещал прислать водителя.

«Саша привезет тебя в офис. Я смогу закончить дела только к шестнадцати. Быстрее совсем никак».

Учитывая, с каким трудоголиком я связалась, обижаться не получалось.

«Я могу погулять по городу. Пусть вещи побудут в машине. Не спеши!»

«На последнем этаже нашего бизнес-центра неплохой ресторан. А на этаж ниже есть какой-то спа. Я там не был, но его хвалят».

Глазам не поверила, получив последнее сообщение. Мой независимый занятой мужчина не хотел, чтобы я одна гуляла далеко от него. Или показалось?

«А кто хвалит? Твои клиентки или кто-то ближе?» – до боли закусив губу, быстро набрала в ответ.

Дух захватывало от собственной смелости. Глаза в глаза ни за что не решилась бы спросить.

«Ты тоже знаешь эту клиентку. Ее зовут Паша. Он водит туда своих дам».

Чувствуя, как щеки наливаются румянцем, я прижала к ним холодные ладони. Стыдно было так сильно, что хоть проси у стюардессы парашют и выпрыгивай из самолета.

«Ты первая и единственная клиентка, которую я готов куда-то вести», – через минуту пришло на телефон, и у меня задымились даже уши.

После такой переписки не хотелось, да и не получалось думать над словами СанСаныча. Я вычеркнула весь наш разговор из памяти. И, пока совсем не сторела от смущения, написала Никите последнее сообщение: «Ты сможешь работать, пока где-то рядом симпатичный массажист мнет все мое тело?»

Этот вопрос был вершиной моей храбрости. Я откровенно флиртовала с собственным мужем. Провоцировала интимными намеками, будто имела на это право.

Наверное, даже Наташа не поверила бы, что я так смогу. Сама до конца не верила. Но удовольствие, которое неожиданно приносил флирт, сложно было описать словами. Восторг, уверенность, азарт – наверное, всё вместе. И кажется, от эмоций штормило не только меня.

«Никакого массажа! К лешему спа! Иди в ресторан! Я постараюсь завершить дела как можно раньше».

Еще неделю назад и мечтать нельзя было о такой реакции Никиты. Он был для меня бронированным сейфом без ключа и кода. Все, на что имела право: смотреть на него и запрещать себе фантазировать.

Он был чужим. Табу. А сейчас в моем чемодане лежало эротическое белье и от сообщений мужа непривычно ныло внизу живота.

* * *

Как Никита и обещал, освободился он намного раньше шестнадцати. Я только успела расправиться с обедом, как он написал: «Иду!» – и через пару минут вошел в ресторан.

Есть десерт сразу перехотелось. От вида мужа в строгом деловом костюме, белой рубашке и галстук сердце заколотилось как сумасшедшее, а руки задрожали. Чтобы не выдать себя, мне пришлось отложить чайную ложку и подальше отодвинуть тарелочку с тортом.

– Привет еще раз! – Никита махнул официантке. Обняв меня сзади за плечи, зарылся носом в макушку. – Ну что, едем?

В ответ так и хотелось пошутить: «А может, вместе в спа?» На нервах я, наверное, смогла бы произнести что-нибудь подобное. Но ладони на моих плечах ожили, медленно стекли по рукам вниз, и глупости сами выветрились из головы.

– Конечно.

Растерявшись от неожиданной ласки, я суетливо принялась рыться в сумочке. Однако кошелек даже доставать не пришлось: Никита сам рассчитался за обед. Потом забрал сумочку из рук и потянул меня к выходу.

В следующий раз мы заговорили только в машине. Будто вспомнив, что я только недавно после самолета, Никита спросил: «Как долетела?», «Сразу ли Саша нашел меня?», и «Не скучала ли, пока он работал?»

Все эти вопросы очень напоминали наши прежние встречи и перелет на острова. Никита снова был вежливым и внимательным до зубного скрежета. Мой потрясающий муж не оглядывался на меня. Сильные руки уверенно вращали руль. И казалось, кроме дороги его ничто не волнует.

Но когда офис остался далеко позади, а скучные вопросы закончились, Никита преподнес сюрприз.

– Я не успел заказать тебе номер в отеле. Провозился с делами. Поедешь ко мне домой? – произнес он так, будто я и правда могла отказаться.

– Эмм... В отель нам и так нельзя. По легенде! – Мои пальцы сжали ремешок сумочки и принялись мять его, словно он игрушка-антистресс. – Вдруг акционеры узнают?..

– Да, отели временно не наш вариант.

На губах Никиты мелькнула довольная улыбка.

– Тогда, наверное, мне лучше остановиться у тебя дома.

Губы пересохли, и голос непривычно сел.

– Я тебе говорил, что ты очень умная?

– Давно.

Никита остановился у светофора на «красный». Отстегнул свой ремень и потянулся ко мне.

– Еще ты очень красивая.

Его губы мягко, не раскрывая, коснулись моих. Взгляд... совсем не равнодушный, заставил плотно свести ноги.

– Я от твоих комплиментов совсем теряюсь.

Никита вернулся на место, для нас загорелся «зеленый», но я ничего не замечала. Губы все еще пылали, будто Никита продолжал меня целовать. А приятная ноющая боль скрутила низ живота еще сильнее, чем это было в самолете.

– С тобой я сам чувствую себя не в своей тарелке. – Правая рука мужа бережно сжала мое колено. – Уже и забыл, как это бывает.

– Но у тебя, наверное, подобное было не раз...

Я не стала уточнять, что именно. Пока что для шока вполне хватало того, что Никита везет меня к себе домой и губы печет от его поцелуя.

– Не уверен... – На лице Никиты сосредоточенность сменилась задумчивостью. Он быстро глянул в мою сторону, и правый уголок его рта дернулся вверх. – Не знаю.

Глава 7

Никита

С первой минуты брака все в моей жизни пошло наперекосяк. И чем больше проходило времени – тем сильнее усугублялось.

Впрочем, жаловаться не стоило. Ради Леры я вспомнил, как это – сбегать с важных переговоров, которых ждал две недели. Именно Лера заставляла сейчас улыбаться и ощущать себя полным идиотом.

Дурацкое ощущение. Как ни странно, приятное.

Думал, за три дня меня отпустит. Терапия работой от чего только ни спасала. Даже в холодный душ ходить перестал. А сейчас... посадил девчонку рядом, вспомнил нашу переписку перед рейсом – все вернулось. И желание сжимать ее, и целовать, и все остальное, о чем моя красавица-жена, небось, даже и не слышала.

Нужно было все же везти Леру в отель. Для ее же безопасности! После разбора полетов, который я устроил акционерам и руководителям департаментов на последнем собрании, вряд ли у кого-то могло хватить времени на шпионаж.

Скорее всего, сейчас вся эта шайка-лейка рыла землю, пытаясь подальше спрятать награбленное. Не до нашего брака им было! И уж точно не до того, одна в кровати Лера или со мной.

Но машина уже подъехала к дому, и никакого желания свернуть в сторону отеля не возникло.

– Я думала, что ты живешь в квартире. – Лера нервно заерзала на сиденье, когда мы остановились.

– Я один из тех зануд, которые терпеть не могут соседей. Никаких. Даже самых тихих. – Я окинул взглядом свою двухэтажную махину. – После аварии думал его продать. Хотел найти что-нибудь поближе к работе. Но через месяц жизни в многоэтажке вернулся и расторг договор с риелтором.

– Переезд не помог забыть жену?

Лера с такой силой натянула ремешок своей сумочки, что, казалось, порвет.

– Нет. Чувствовал себя как на работе. Везде толпы. Везде крики. Забитый паркинг и видеокамеры в каждом углу, будто не дом, а тюремная камера класса «люкс».

– А тебе нужна свобода? – Взгляд моей девчонки потеплел, но настороженность до конца так и не ушла.

– В настоящий момент я жутко хочу есть. А еще хочу поскорее снять с себя эту удавку, – я показал на галстук, – и заставить одну любопытную даму покраснеть.

Словно последнее было приказом, щеки Леры тут же вспыхнули. Вопросы резко закончились. И мой маленький клубок оголенных нервов, не дожидаясь помощи, сам выскочил из машины.

* * *

Нагнал я свою пугливую пташку только возле крыльца. За минуту, пока доставал вещи, румянец стал только ярче.

Глядя на такую красоту, я с трудом удержался от поцелуя у порога. Зажал девчонку сразу за ним.

Толкнул дверь.

Бросил на полку ключи.

И сгреб Леру в охапку, пока она не устроила какой-нибудь забег по дому.

Откликнулась она сразу. У меня чуть ноги не подкосились, когда почувствовал ее ладони на своей шее и услышал сдавленный стон.

Дальше было сладко, нежно и адски трудно.

То ли целибат и правда плохо повлиял на мое терпение, то ли Лера научилась лучше целоваться – оторваться от ее губ оказалось чертовски сложно.

Все мышцы в теле задеревенели от напряжения, а руки совсем перестали слушаться. Ума не приложу, как смог выпустить Леру из объятий и развернуть к себе спиной.

– М-да... хозяин из меня так себе. – Шлепком направил сладкую гостью в сторону лестницы. – Экскурсию, пожалуй, пока предлагать не буду. Там на втором этаже две спальни, до библиотеки можем не дойти.

– Так ты ради библиотеки просил, чтобы я приехала?

Эта бессердечная мучительница дрожала, как испуганный зайчонок, но все же нашла где-то храбрость ну шутки.

– Именно так! Давно никому не показывал свою библиотеку.

Пока кое-кто не спросил, разрешу ли я потрогать «книги», пришлось повторно дать напутственный шлепок. Звонкий. Такой, что в паху все сразу откликнулось.

– Тебе не говорили, что гостей обычно встречают как-то иначе? – прыгнув на первую ступеньку, с напускной обидой произнесла Лера.

– Мы потом переделаем. Хоть это. – Я указал на первую дверь на втором этаже. – А пока тебе туда. Чемодан сейчас принесу. Сможешь принять душ и переодеться после дороги.

Голос у меня, как назло, охрип. Приглашение в душ прозвучало словно приглашение в кровать. Но, хвала всем богам, моя чистая и правильная жена восприняла слова, как нужно.

Без третьего «напутствия» она быстро взбежала по лестнице. Не удивилась, когда я втолкнул чемодан в ее комнату. Не заходя! И тут же начала пытку. Древнюю. Женскую. Ожиданием.

В течение двадцати минут я старался не думать, чем Лера занята за дверью. Тоже принял душ. По новой семейной традиции – холодный. Переоделся. Не зная, чем еще себя занять, соскоблил с лица всю лишнюю растительность. А потом еще двадцать минут убил на выбор ресторана, из которого можно было заказать еду.

Несмотря на голод, есть не хотелось совсем. Все желания сосредоточились на закрытой двери, за которой находилась моя жена... Возможно, стояла сейчас под душем. Возможно, примеряла что-то особенное – только для этого вечера. И скоро могла стать моей.

О последнем мы не разговаривали и никак не намекали друг другу. Я, Лера... Нас без слов буквально примагничивало, стоило только оказаться рядом. Никакие мои прежние доводы, рассказы себе о фиктивном браке и об ответственности не помогали больше сдерживаться.

А молиться о терпении я так и не научился.

Наверное, зря.

* * *

Лера вышла из комнаты, как раз когда я уже думал идти ее спасать. С мокрыми волосами, в домашнем платье и без косметики она выглядела не старше восемнадцати.

Я казался себе древним стариком в сравнении с ней. Но первый же вопрос Леры заставил забыть и о разнице в возрасте, и о планах.

– У тебя есть что-нибудь обезболивающее?

На ее лице отобразилась такая мука, что я чуть за сердце не схватился.

– Ты порезалась, где-нибудь болит?

Как ошпаренный, взлетел на второй этаж и, не дожидаясь ответа, сам стал осматривать Леру.

Покрутил обе ладони, скользнул взглядом по шее, заглянул в глаза. Ничего страшного не обнаружилось.

– Нет... – Лера закусила губу. – У меня по-женски. Живот болел еще в самолете, но я думала, что это... – Совсем поникнув, она махнула рукой. – Наверное, на нервах цикл сбился.

– Цикл. Живот... – Я тормозил, как не тормозил еще никогда. Фантазия «радовала» дюжиной диагнозов, от аппендицита до внутреннего кровотечения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.